

NEW
HORROR

КРОВАВЫЙ КРУИЗ

МАТС СТРАНДБЕРГ

Шведский король ужасов

18

New Horr

Матс Страндберг
Кровавый круиз

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

Страндберг М.

Кровавый круиз / М. Страндберг — «РИПОЛ Классик»,
2015 — (New Horr)

ISBN 978-5-386-14631-3

«Балтик Харизма» ходит по одному маршруту уже более 20 лет, и все шло прекрасно до роковой ночи, когда связь с землей оборвалась. Автопилот ведет лайнер в Финляндию, но ни одной живой души на нем не осталось. Некуда бежать. Негде спрятаться. Никому нельзя доверять. Как только древнее зло начало распространяться, его уже не остановить.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

ISBN 978-5-386-14631-3

© Страндберг М., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

Марианна	6
Альбин	10
«Балтик Харизма»	14
Дан	17
Филип	20
Альбин	23
Дан	26
«Балтик Харизма»	28
Альбин	30
Мадде	32
Марианна	35
Калле	37
Мадде	42
Альбин	45
Калле	49
Томас	52
Калле	55
Томас	56
Мадде	60
Дан	61
Томас	62
Альбин	64
Мадде	68
Филип	69
Калле	72
Томас	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Матс Страндберг

Кровавый круиз

Эта книга посвящается моей маме, которая научила меня читать и всегда поддерживала меня в моем писательстве. Мама, я люблю тебя.

FARJAN
MATS STRANDBERG

Перевод со шведского П. А. Питерсен

РИПОЛ
КЛАССИК

© Mats Strandberg 2015 by Agreement with Grand Agency.

© Питерсен П. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Марианна

До отправления оставалось больше часа. Еще не поздно передумать. Она по-прежнему может взять свой чемодан, прокатить его через терминал, вдоль по набережной до метро, доехать до Центрального вокзала, а потом проделать весь путь обратно домой в Энчепинг. Попробовать отказаться от этой совершенно идиотской затеи. Не исключено, что однажды она даже посмеется, вспоминая вчерашний вечер, когда она сидела на кухне, а голоса, доносящиеся из радиоприемника, не могли заглушить тиканье настенных часов. Она выпила лишний бокал красного вина и поняла, что с нее довольно. Потом выпила еще один и решила, что пора с этим что-то делать. Жить настоящим. Искать приключения.

Да, может, однажды она посмеется. Но именно в этом Марианна сомневается. Очень трудно смеяться над собой в одиночку.

Как вообще родилась эта идея? В тот вечер Марианна видела рекламу по телевизору. Там были красиво одетые люди, похожие на любого из нас, но не на нее, только немного более радостные. Вряд ли именно реклама сыграла роль.

Марианна заказала билет быстро, не оставляя себе времени на размышления и возможности переиграть. Даже выпитое вино не помогало уснуть, так она разволновалась. Возбуждение не оставляло ее все утро, пока она красила волосы, после обеда, пока она собирала чемодан, и всю дорогу до паромного терминала. Слово приключение уже началось. Как будто можно убежать от самой себя, убегая от повседневности. И вот она смотрит на себя в зеркало, голова вдруг наливаясь свинцовой тяжестью, и сожаление все же охватывает Марианну, как вторая волна похмелья поверх того, что настигло ее утром.

Марианна наклоняется к зеркалу и стирает под глазами кусочки осыпавшейся туши. В голубоватом свете ртутных ламп дамского туалета на паромном терминале мешки под глазами выглядят гротескно. Она делает шаг назад. Причесывает пальцами волосы, у нее сдержанная стрижка «под пажа». От волос еще исходит запах краски. Марианна достает из сумочки помаду и привычным движением подкрашивает губы, шлет воздушный поцелуй своему отражению. Подавляет темную тучу, которая пытается разрастись внутри и поглотить ее целиком.

Раздался шум воды, и дверь одной кабинки распахнулась. Марианна выпрямилась и пригладила блузку. Взять себя в руки, нужно взять себя в руки. Из кабинки выходит молодая темноволосая женщина в ярко-розовой блузе без рукавов и становится у соседней раковины. Марианна рассматривает ее плечи и руки. Под нежной кожей угадываются мышцы, особенно когда женщина моет руки и тянется за бумажным полотенцем. Слишком худая. Черты лица настолько угловатые, что почти напоминают мужские. Марианна видит, что многим женщина покажется красивой. Во всяком случае, сексуальной точно. На одном из передних зубов соседки сверкает бриллиант, на карманах джинсов – розовые стразы. Марианна ловит себя на пристальном рассматривании и поспешно отводит глаза. Но женщина исчезает в суете терминала, не удостоив ее даже взгляда.

Она как будто пустое место. Марианна пытается понять: неужели правда, что и она когда-то была так молода?

Это было так давно. В другом городе, в другой жизни. Она была замужем за мужчиной, который очень любил ее. Дети были маленькими и все еще пребывали в заблуждении, что мать – это что-то вроде полубога. На работе она каждый день получала подтверждение, что представляет собой ценного сотрудника. Соседи всегда были готовы налить чашку кофе, если ей случалось заглянуть.

Подумать только, было время, когда Марианна мечтала побыть одна. Пара часов наедине с собой, чтобы как следует прислушаться к своим мыслям, представлялась невероятной роскошью.

Получается, что сейчас она буквально утопает в роскоши. И эта роскошь – единственное, что у нее есть.

Марианна проверяет, нет ли следов помады на зубах. Смотрит на стоящий рядом чемодан на колесах – подарок общества книголюбов, в котором она состоит.

Она вешает пуховик на локоть, решительно берется за ручку чемодана и выходит из туалета.

В здании терминала довольно шумно. Кто-то уже встал в очередь у турникетов в ожидании пропуска на борт. Марианна смотрит по сторонам. Констатирует, что ее розовая блузка и юбка до колен выглядят слишком чопорно. Большинство женщин около шестидесяти одеты или как подростки, в джинсы и толстовки с капюшоном, или в платья с глубоким вырезом. Некоторые впадают в другую крайность, прячась в бесформенных туниках или платьях, похожих на плащ-палатки. Ни в ту, ни в другую группу Марианна не вписалась. Она выглядит как нелюдимый секретарь в приемной врача, коим, собственно, и является. Марианна пытается заставить себя увидеть, что многие вокруг еще старше и некрасивее ее, чтобы получить подтверждение, что и она имеет право здесь находиться.

В поле зрения Марианны оказывается бар в противоположном конце зала. Колеса чемодана гремят так, словно она тянет по каменному полу бульдозер. Подойдя к стойке бара, она окидывает взглядом батарею бутылок и многочисленные краны для пива. Цены написаны мелом на черной доске. Она заказывает кофе с ликером «Бейлис», надеясь, что цены на пароме ниже. Интересно, в барах цены тоже без пошлин? Надо было узнать заранее. Почему она не выяснила это заранее? Напиток в высоком граненом стакане ей подает девица с блестящими железяками на бровях и губах. Она тоже смотрит сквозь Марианну, зато той теперь не совестно не дать чаевые.

В самом конце зоны бара, отгороженной стеклом, есть свободный столик. Марианна осторожно лавирует между столами, катя грохочущий чемодан и прижимая локтем пальто, которое напоминает пуховое одеяло. Стакан обжигает пальцы. Ремешок сумки соскальзывает с плеча на локоть. Наконец-то она у цели. Марианна ставит стакан на стол. Подтягивает ремень сумки на плечо, ей чудом удалось протиснуться между столиками вместе с пальто и всем остальным и ничего не уронить. Опускаясь на стул, она чувствует страшную усталость. Осторожно делает глоток, напиток совсем не такой горячий, как стакан, и она пьет быстрее. Чувствует, как по телу медленно разливается алкоголь.

Марианна смотрит на зеркальный потолок, слегка потягивается. С высоты птичьего полета не видны морщины на шее, зато под натянутой кожей угадываются скулы. Может быть, это заслуга дымчатого стекла, но глаза кажутся веселыми, а лицо – почти загорелым. Пальцы невольно скользят по щеке, пока она не ловит себя на том, что прямо на людях любит себя. Марианна снова сутулится и делает новый глоток. Задумывается, много ли ей осталось до состояния полностью выжившей из ума. Однажды она вышла из дому и только на автобусной остановке поняла, что по-прежнему одета в пижамные штаны.

Черная туча внутри опять зашевелилась. Марианна закрывает глаза. Прислушивается к разговорам и смеху вокруг.

Раздается громкий хлопаящий звук. Посмотрев в ту сторону, Марианна видит маленького азиатского мальчика со стаканом, в котором остался лишь лед. Его краснолицый папаша с кем-то возбужденно говорит по телефону и, кажется, ненавидит весь мир.

Жаль, что Марианна бросила курить. Вот бы сейчас выйти на набережную и достать сигарету, хоть чем-то себя занять. Но в данный момент она все-таки находится в терминале, среди всех этих звуков. И она принимает решение. Или нет, не она. Но она уже так устала быть собой.

Вернуться домой невозможно. И так она все лето просидела в квартире, слушая голоса, смех и музыку, что доносились от соседей, с улицы, со двора и с соседних балконов. Звуки жизни, которая кипела вокруг. Дома же тикают эти проклятые часы, а календарь с фотографии

ями внуков, с которыми она едва знакома, неумолимо отсчитывает количество дней до Рождества. Если она сейчас вернется домой, то навсегда окажется в плену одиночества. И уже никогда не отважится на что-то подобное.

Вдруг Марианна замечает, что мужчина за соседним столиком ей дружески улыбается, пытаясь поймать ее взгляд. Она делает вид, будто что-то ищет в сумке. На худом, даже изможденном лице, его глаза кажутся огромными. Волосы, с ее точки зрения, длинноваты. Надо было взять с собой книгу. Раз книги нет, Марианна достает посадочный талон и изучает его с преувеличенным интересом, как какой-то диковинный ребус. В правом верхнем углу логотип паромной компании – неизвестная морская птица в капитанской фуражке и с трубой в клюве.

– Девушка, вы совсем одна?

Марианна безучастно поднимает голову. Встречается с мужчиной взглядом. Делает над собой усилие, чтобы не отвести глаза.

Да, какой-то он потрепанный. И светлый джинсовый жилет выглядит грязновато. Но когда-то он точно был красивым. Марианна видит следы былой привлекательности. И надеется, что кто-то тоже сможет разглядеть ее былую красоту.

– Да. – Марианна слегка откашливается. – Мы собирались ехать с подружкой, но она, как оказалось, перепутала даты. Она подумала про следующий четверг. А я... а я решила, что раз уж у меня уже есть билет...

Она теряет мысль и под конец просто пожимает плечами, надеясь, что выглядит это естественно и беззаботно. Голос звучит хрипло, будто пересохли связки. Ничего удивительного – она не пользовалась ими несколько дней. Ложь, которую Марианна тщательно продумала сегодня ночью именно на такой случай, заметна совершенно явно. Но мужчина только улыбается в ответ:

– Присоединяйтесь к нам, чтобы было с кем поднять бокал!

Он уже слегка навеселе. Достаточно беглого взгляда на столик его компании, чтобы понять, что его друзья в еще более плачевном состоянии. Раньше Марианна даже не стала бы рассматривать подобные предложения.

«Если я соглашусь, то стану такой же, как они. Но я уже не могу себе позволить быть разборчивой. И кстати, разве эта „разборчивость“ – не замаскированная трусость?»

Да и это всего лишь на сутки, напоминает она себе. Ровно через двадцать четыре часа корабль снова причалит в Стокгольме. Если это окажется ошибкой, то она просто спрячет новое воспоминание в дальний уголок памяти в сундучок, где, как сокровища, хранятся подобные истории.

– Да, – отвечает она. – Спасибо, будет замечательно.

Она громко отодвигает стул и перебирается за соседний стол.

– Меня зовут Йоран, – представляется незнакомец.

– Марианна.

– Марианна... – повторяет он и слегка причмокивает губами. – Да, тебе идет это имя, ты сладкая, как конфетка из марципана.

К счастью, ей не нужно что-то отвечать. Мужчина начинает знакомить ее с друзьями. Она кивает каждому и тут же забывает имена. Все присутствующие удивительно похожи друг на друга. Под клетчатыми рубашками выпирают животы. Интересно, они знакомы с юности? А Йоран всегда был самым стильным и обеспечивал им общество девушек?

Кофе Марианны остыл и стал невкусным. Но не успела она его допить, как один из товарищей Йорана принес пиво всей компании, и ей тоже. Она не очень разговорчива, но это никого не волнует. Все дружно выпивают, и Марианна наконец перестает напряженно думать и чувствует, как у нее снова начинает сосать под ложечкой от предвкушения. Чувство нарастает и достигает такой величины, что она уже еле сдерживается от того, чтобы не расхохотаться во весь голос, как неотесанный деревенский болван. Один из друзей Йорана отпускает шутку,

и она, воспользовавшись случаем, смеется. Но смех получается слишком громким и звучит несколько нарочито.

На самом деле очень печально то, как долго Марианна была лишена такой простой радости, как сидеть за столом в обществе людей. Быть частью компании. Чтобы ее пригласили, а не терпели из чувства долга.

Йоран наклоняется к Марианне и шепчет на ухо; она чувствует его теплое и влажное дыхание.

– Конечно, очень жаль, что так вышло с подругой, но для меня это чертовское везение.

Альбин

Альбин сидит за столом, подперев подбородок руками, и жует пластиковую соломинку. Шумно втягивает воду от подтаявшего льда. Вкуса колы почти не осталось. Как будто пробуешь слюни того, кто пил колу пятнадцать минут назад. Он усмехнулся. Лу оценила бы эту шутку. Но Лу пока не пришла.

Он долго смотрит через стеклянную стену, отделяющую бар, как множество незнакомых людей снуют в здании терминала. Один парень оделся женщиной и разрисовал помадой поллица. На шее висит картонная табличка: «Продажа поцелуев. Одна штука – пять крон». Приятели снимают его на телефоны, но их смех звучит как-то невесело, не по-настоящему. Альбин снова шумно втягивает воду с воздухом.

– Аббе, – мама смотрит с укором, – пожалуйста.

Ее взгляд говорит, что папа и так уже достаточно рассержен. Не нужно делать хуже. Альбин откидывается на спинку стула. Пытается сидеть спокойно.

Он слышит смех, похожий на лай собаки. Поворачивает голову на звук и видит двух толстых девиц за одним из столиков. У той, что смеется, на голове хвостики, а вокруг шеи намотано нечто из розовых перьев. Она откидывает голову назад и сыплет в рот горсть арахиса. Несколько орешков падают ей между грудей, таких огромных Альбин ни разу не видел в своей жизни.

Юбка девицы настолько короткая, что ее почти не заметно, когда она сидит.

– Зачем ей вообще нужен мобильный, если он всегда выключен? – Папа в сердцах кидает телефон на стол. – Это так похоже на сестрицу!

– Успокойся, Мортен, – мягко увещевает мама, – мы же не знаем, почему они опаздывают.

– Вот именно, что мы не знаем. Я считаю, Линда могла бы позвонить, чтобы мы не гадали, куда они подевались. Никакого уважения к нам, черт возьми! – Папа поворачивается к Альбину: – Ты уверен, что у тебя нет номера Лу?

– Нет, я же сказал.

Больно признаваться в этом еще раз. Лу ни разу не звонила с нового номера. Они не разговаривали уже почти год. И писали друг другу всего пару раз с тех пор, как она переехала в Эскильстуну. Он боится, что Лу на него за что-то обиделась, но мама говорит, что, скорее всего, Лу просто занята в школе, ведь ей учеба дается не так легко, как ему. Таким же утешительным тоном она рассказывает, что в школе его дразнят только потому, что завидуют.

Альбин знает правду. Завидовать ему совершенно не за что. Когда он был маленьким, многие считали его милым, но не сейчас. Он самый маленький в классе, а его голос по-прежнему тонкий и звонкий, и он совсем не спортсмен и не успешен в тех вещах, которые делают мальчиков популярными. Это факт. Так же точно факт то, что Лу не перестала бы писать без причины.

Лу не просто двоюродная сестра. Она была лучшей подругой Альбина, когда жила в Скультуне. Но тетя Линда ни с того ни с сего решила, что им нужно переехать. И у Лу не было выбора, ей пришлось последовать за мамой.

Она могла насмешить его, как никто другой, вместе они часто смеялись взахлеб, иногда Альбину даже становилось страшно, что он уже не сможет остановиться. Именно Лу рассказала ему правду о том, как умерла бабушка. Вместе они плакали, потому что в самоубийстве есть что-то невообразимо печальное, но самое постыдное и тайное было то, что Альбину *нравилось* плакать вместе с Лу, потому что это было прекрасно. Наконец-то у них с Лу появилась что-то общее, о чем они могли разговаривать, но все же оставалось много такого, о чем Альбин мог только молчать.

– Нет, Стелла, нет. – За спиной Альбина раздается сдержанный мужской голос. – Давай ляжем спать, как только окажемся на корабле. Хорошо, Стелла?

В ответ раздается громкий рев.

– Прекрати сейчас же. Это нехорошо. Стелла! Нет, я сказал! Нет, Стелла, не надо так делать! Пожалуйста, Стелла!

Стелла снова ревет, слышен звон бьющегося стекла. Альбин видит, что папа все больше раздражается, а мама все больше нервничает, потому что понимает, что сейчас папа неизбежно устроит скандал. Альбин наблюдает так хорошо знакомое движение век отца. Смотрит, как вздрагивает его шея, когда он допивает пиво. Его лицо все краснее с каждой минутой.

– Они, наверное, попали в пробку, – говорит мама. – Сейчас как раз все едут с работы.

Неужели она не может просто помолчать? Если папа в таком настроении, успокоить его невозможно. И все попытки могут только сделать еще хуже.

– Надо было за ними заехать, – вздыхает он. – Но тогда по милости Линды опоздали бы все.

Он нервно крутит пивную кружку между ладонями. Голос его стал тише.

– Линда сделает все возможное, чтобы успеть. – Мама смотрит на часы. – Она не допустит, чтобы Лу огорчилась.

Папа только усмехается. Мама больше ничего не говорит, однако ситуация становится напряженной, Альбину даже дышать тяжело. Будь они дома, он ушел бы сейчас в свою комнату. Мальчик уже открывает рот, чтобы сказать, что ему нужно в туалет, как папа отодвигает стул и встает:

– Аббе, будешь еще кока-колу?

Альбин кивает, и папа направляется к бару.

Мама слегка откашливается, словно хочет что-то сказать. Возможно, что-то по поводу вчерашнего вечера. Что папа просто очень устал. У него так много работы, а ей требуется так много помощи, что он совсем не отдыхает. Но Альбин не хочет ничего слушать. *Устал* — он терпеть не может это слово. Это кодовое название всего сложного и проблемного в их семье. Папа всегда такой, особенно когда они куда-то едут или пытаются развлечься. Он слишком нервничает и всем портит настроение.

Альбин демонстративно достает из висящего на спинке стула рюкзака учебник истории. Открывает главу, по которой на следующей неделе обещали контрольную работу. Хмурит лоб. Стараются выглядеть очень занятым, пытаясь погрузиться в тактику «выжженной земли» при отступлении, хоть и знает эту тему почти наизусть.

– Хорошо, что вы проходите эпоху Шведского великодержавия как раз сейчас, когда мы путешествуем по Балтийскому морю, – одобряет мама.

Но Альбин не отвечает. Он абсолютно недосыгаем, так он хочет наказать маму. Потому что именно на нее он больше всех сердится. Она могла бы уйти от отца, чтобы им не нужно было жить с ним вместе. Но она не хочет. И Альбин знает, почему. Маме кажется, что папа ей нужен.

Иногда он думает, что лучше бы его не усыновляли. Ему было бы лучше в детском доме во Вьетнаме. Или он мог оказаться где-нибудь в другом месте в этом мире. В совершенно другой семье.

– Смотрите, кого я привел, – слышится голос отца, и Альбин поднимает голову от книги.

Папа держит в руках стакан пива, судя по стекающей по краю пене, он уже из него отпил. Рядом с ним стоит тетя Линда, одетая в дутую куртку розового, словно выплюнутая жвачка, цвета. У нее длинные светлые распущенные волосы. Она наклоняется и обнимает Альбина. Мальчик чувствует прикосновение ее прохладной щеки к лицу.

Но где же Лу?

Альбин видит ее только тогда, когда тетя Линда отходит обнять маму. Он слышит, как мама повторяет свою старую шутку: «Простите, что я сижу», – и Линда смеется, будто слышит это в первый раз. Мир вокруг Лу словно теряет четкость, а ее фигура, наоборот, приобретает контрастность, и Альбин наконец отчетливо видит свою двоюродную сестру.

Это она и не она одновременно. Во всяком случае, это не та Лу, которую Альбин знал. И он не может оторвать от нее глаз. Ресницы Лулу накрашены, отчего глаза кажутся больше и ярче. Ее волосы отросли и слегка потемнели, теперь они напоминают цветом мед. Ноги в облегающих джинсах и леопардовых кедах кажутся невероятно длинными. Лулу снимает шарф и куртку. Из-под серой кофточки, которая слегка съехала на плече, видна черная лямка лифчика.

Лу выглядит как девочки из его школы, те самые, что никогда с ним не здороваются.

Это намного хуже, чем обида. Любую обиду можно было бы проглотить.

– Привет, – осторожно произносит Альбин, прислушиваясь к тому, как по-детски звучит его голос.

– Не ожидала увидеть тебя за учебником, – смеется Лу.

От нее пахнет духами с ароматом леденцов и ванили, а когда она говорит, чувствуется мятный запах жевательной резинки. Ногти покрыты черным лаком. Когда Лулу быстро обнимает Альбина, он чувствует ее грудь. И после этого боится поднять на девочку глаза. Но Лу поворачивается в другую сторону. Убирает прядь волос за ухо.

– Как ты выросла! – ахает мама. – Настоящая красавица!

– Спасибо, тетя. – Лу обнимает маму намного дольше, чем Альбина.

Обнимая племянницу, мама тянется вверх, насколько это возможно.

– А ты здорово похудела, – отмечает папа.

– Она же растет, – объясняет мама.

– Надеюсь, рост не будет продолжаться вечно. Ты же знаешь, парни любят, чтобы было за что подержаться.

Альбину хочется только одного – чтобы отец сейчас же замолчал.

– Огромное спасибо за заботу, – усмехается Лу. – Нравится парням – главная цель моей жизни.

Возникает пауза, и длится она на полсекунды дольше, чем нужно. Потом папа все же смеется.

Линда начинает подробно рассказывать том, какой маршрут они выбрали на пути из Эскильстуны и какая была плотность движения на дороге. Папа молча пьет пиво, а мама изображает на лице восхищение рассказом племянницы. Лу закатывает глаза и достает телефон, и Альбин пользуется случаем, чтобы хорошенько ее рассмотреть. Наконец Линда подходит к заключительной части своего повествования – о том, как сложно найти место для парковки возле терминала.

– Хорошо, что вы все же успели. – Мама бросает взгляд на папу.

– Думаю, нам пора становиться в очередь, – говорит он, осушая свой стакан.

Пока папа ставит пустой стакан на стол, Линда провожает его долгим взглядом. Альбин встает, убирает в рюкзак учебник истории и потягивается.

Очередь за стеклом уже стала плотной, и Альбин видит, что она двигается. Он смотрит на стенные часы – всего четверть часа до отправления. За ближайшими столиками тоже начинается оживление: люди встают, допивают напитки, собирают вещи.

Мама оглядывается через плечо и, извиняясь, двигает свою инвалидную коляску задним ходом. Соседи вынуждены слегка подвинуть свой стол, чтобы дать ей проехать. Мама аккуратно передвигает рычажок управления на подлокотнике то вперед, то назад.

– Это все равно что выезжать с парковки, когда ты зажат между машинами и спереди и сзади, – говорит она немного сдавленным голосом, который появляется у нее всегда, когда она нервничает.

– Тебе помочь или ты справишься? – спрашивает Лу, и мама отвечает тем же сдавленным голосом:

– Да, конечно же справлюсь, дорогая.

– Тебе очень хочется прокатиться на пароме? – Линда разлохматила Альбину волосы, задавая вопрос.

– Да, – отвечает он машинально.

– Здорово, что хоть кто-то этого хочет, – продолжает Линда. – Я боялась, что мне придется приковать Лу к машине цепью, чтобы она не сбежала.

Лу оборачивается к ним, и Альбин старается не показать, как ему больно это слышать. Значит, она совсем не хотела его увидеть...

– Разве ты не хочешь поехать с нами? – спрашивает мальчик.

– Ну конечно же очень хочу. Всю жизнь мечтала оказаться на пароме. – Лу разговаривает совсем не так, как раньше. Снова чувствуется запах ее жевательной резинки. – Мама не разрешает мне оставаться дома одной, – вздыхает она.

– Эта тема закрыта для дискуссии, Лу, – заявляет Линда и поворачивается к маме с папой: – Радуйтесь, что у мальчиков переходный возраст начинается позже. Вам все это еще предстоит.

Лу снова закатывает глаза, но все же чувствуется, что ей нравится это слышать.

– Не обязательно, – возражает папа. – Дети все очень разные. Много зависит от того, насколько они чувствуют установленные нами границы и как, исходя из этого, оценивают возможности для протестов.

Линда промолчала, но, когда отец отвернулся, покачала головой.

Они начинают продвигаться к выходу. Мама едет первой, и Альбин слышит, как она периодически сигналист, если столы стоят слишком тесно или нужно убрать с пути чемодан. Он отворачивается. Смотрит через стекло на контролеров, которые изучают пассажиров, проходящих через турникеты.

– Какая жалость, что она решила надеть мини-юбку, – громко шепчет Лу, проходя мимо девицы с розовыми перьями на шее.

– Лу! – Линда смотрит на нее с укоризной.

– Если нам повезет, то корабль потонет, как только это двое окажутся на борту. Тогда нам не придется долго наблюдать этот кошмар.

«Балтик Харизма»

Судно «Балтик Харизма» построили в 1970 году в городе Спилт в Хорватии. Оно 170 метров длиной, 28 метров шириной и вмещает более двух тысяч пассажиров. Но в последний раз паром был полностью загружен довольно давно. Сегодня четверг, и на борту едва наберется тысяча двести человек. Среди них не так много детей. Уже начало ноября, осенние каникулы кончились. Летом на верхней палубе располагаются шезлонги, но сейчас там довольно пусто. Только пара пассажиров из Финляндии стоят и смотрят на холодный осенний Стокгольм в лучах заходящего солнца, которое не может его согреть. Многие с нетерпением ждут, когда «Харизма» выйдет из гавани, потому что тогда откроются бары.

Женщина по имени Марианна заходит на борт в потоке людей одной из последних. Через стекло туннеля, идущего от терминала, видно, что ее обнимает за плечи мужчина с длинными волосами. Косые лучи заходящего солнца смягчают их черты лица. Стекло туннель поворачивает налево, и Марианна видит паром. Поражается тому, какой он огромный. Выше многоквартирного дома, в котором она живет. Так много этажей из белого и золотого металла. *Как такая махана может держаться на воде?* Женщина видит, как на палубы один за другим въезжают автомобили, и ей кажется, что их поглощает огромный рот великана. Интересно, это тот самый носовой визор¹? Земля вдруг начинает уходить из-под ног Марианны, как будто она уже в море. Она пытается представить свою каюту. Самый бюджетный вариант под палубой для автомобилей. Под ватерлинией. Без окна. С каждым шагом женщине кажется, что паром делается все больше. На борту витиеватыми буквами, каждая больше метра в высоту, написано: «Балтик Харизма». Курящая трубку птица улыбается Марианне. Ей вдруг очень хочется вернуться. Убежать обратно в терминал. Но где-то рядом раздается тиканье стальных часов в пустой квартире, и Марианна идет вперед, пытаясь игнорировать чувство, что пассажиры идут, как животные из загона на бойню.

Старший администратор Андреас стоит у входа и, улыбаясь во весь рот, рассказывает пассажирам о вечере караоке и скидках в магазине беспошлинной торговли. На самом деле эту работу обычно выполнял организатор круиза, но он позвонил сегодня утром и сказал, что заболел. Уже второй раз за эту осень. Андреасу известно, что у него начались проблемы с алкоголем с тех пор, как он начал здесь работать.

На мостике стоит командир корабля капитан Берггрен и в последний раз обсуждает со своими подчиненными, все ли готово к отправлению. Через несколько минут им предстоит отчалить от набережной. Моряки наизусть знают тысячи островков, мелей и шхер между Стокгольмом и Турку. Выйдя из гавани, «Харизма» переходит на автопилот, и капитан передает управление старшему штурману.

В помещениях для персонала наблюдается бурная деятельность. Те сотрудники, кто сегодня заступил на десятидневную вахту, переодеваются в униформу. Между главной кухней судна и рестораном снуют официанты с огромными блюдами для шведского стола. Многие по-прежнему с похмелья после минувшей ночи. Они сплетничают о том, кого сегодня утром вызвали в медпункт дунуть в прибор для измерения концентрации алкоголя в крови и кому потом пришлось писать объяснительную. В магазине беспошлинной торговли Антти и его подчиненные готовятся к открытию через полчаса после отправления. К этому моменту у входа уже будет стоять приличная очередь.

Вода в гидромассажных ваннах спа-центра пока неподвижна. Через большие панорамные окна сюда проникает свет от огней терминала и отражается в зеркальной глади воды. Массажные столы пустуют. Слегка потрескивает агрегат для нагрева сауны.

¹ Отрыв носового визора стал причиной гибели парома «Эстония» в 1994 году. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Внизу в машинном отделении двигатели проходят последнюю проверку. Если капитанский мостик – мозг «Харизмы», то машинное отделение – бьющееся сердце парома. Старший механик Викалунд только что позвонил на капитанский мостик и доложил, что судно дозаправлено и готово к отправлению. Он наблюдает за работой механиков из контрольной комнаты через стекло. Допивает кофе и отставляет чашку в сторону. Смотрит на выкрашенные в оранжевый цвет двери лифта для персонала. Как только «Харизма» выйдет из гавани и ляжет на обычный курс в Турку, начнется вахта старшего машиниста, и Викалунд сможет подняться в свою каюту и не спускаться в машинное отделение до тех пор, пока судно не приблизится к Аландским островам, поэтому он собирается выспаться.

Чего только не видела «Харизма». В свободной акватории Балтики люди полностью расслабляются, и причина этого не только в дешевом алкоголе. Здесь появляется совершенно другое ощущение пространства и времени. Все обычные правила перестают действовать. А за порядком следят всего четыре охранника, и они сейчас каждый по-своему готовятся к вахте. Четыре человека будут отвечать за то, чтобы тысяча двести пассажиров, большинство из которых пьяны, вели себя прилично на ограниченном пространстве судна, которое они не могут покинуть.

Все приготовления идут своим чередом. «Балтик Харизма» выходит на маршрут каждый божий день во все времена года. Делает остановку на Аландских островах незадолго до полуночи, приходит в Турку около семи утра, когда большая часть пассажиров из Швеции мирно спит, и через двадцать три часа снова причаливает в Стокгольме. Но в этом круизе участвуют двое, не похожие на всех остальных, кого доводилось видеть на «Харизме».

На автомобильной палубе персонал инструктирует водителей на шведском, финском и английском языках. Паркуются грузовики, легковые машины, автокемперы и даже автобусы. Нагрузка тщательно продумана и распределяется так, чтобы сохранялась устойчивость судна. На этой палубе, куда никогда не проникают солнечные лучи, довольно холодно, пахнет бензином и автомобильным выхлопом. Усталые шоферы-дальнобойщики и семьи с детьми направляются к лифтам и лестницам. Скоро автомобильный отсек закроется, и никто не сможет попасть сюда до прибытия на Аландские острова. Огромные грузовики притаились в тишине, как прикованные к стальному полу цепями спящие звери. Из одного автокемпера вышли светловолосый мальчик лет пяти и сильно накрашенная женщина. Они выглядят усталыми. С надеждой смотрят на ярко освещенный лифт, но вместо него идут к лестнице. Оба смотрят в пол, не поднимая глаз. Лицо мальчика скрыто под капюшоном толстовки. Он держится руками за ляжки рюкзака в виде Винни-Пуха. Морщинистое лицо женщины маскирует толстый слой макияжа, но даже он не может скрыть, что с ним что-то не так. От них пахнет сиренью, ментолом и чем-то непонятным, но в то же время очень знакомым. Некоторые пассажиры это замечают и украдкой косятся в их сторону. Женщина тербит пальцами на шее овалный медальон на золотой цепочке. Из украшений на ней только он и золотое кольцо на безымянном пальце левой руки. Правая рука спрятана в карман пальто. Она пристально смотрит на маленькую фигурку перед собой. Подошвы детских кроссовок громко стучат по пластиковым ступеням. Лестница слишком крута для таких маленьких ножек. Взгляд женщины полон любви. И страдания. Она боится за малыша. Боится его потерять. Ей страшно от того, что может произойти, если ребенок оступится.

Наверху Марианна и мужчина по имени Йоран проходят через декоративные пластиковые ворота, расписанные яркими цветами. Какая-то женщина с растрепанными темными волосами направляет на них камеру, и Йоран улыбается в объектив. Раздается щелчок, Марианна хочет попросить женщину сделать снимок снова – ее застигли врасплох, – но женщина уже направила камеру на друзей Йорана, идущих за ними. После этого все заходят на борт. Под ногами красное ковровое покрытие, на стенах панели из дерева и искусственного мрамора, двери лифтов выполнены из дымчатого стекла, в мягком свете ламп блестят латунные поручни.

Армия уборщиков покидает паром. Марианна едва слышит то, что рассказывают о развлекательной программе, тут же забывает имя звезды, которая будет ведущим вечера караоке. У Марианны столько впечатлений, что ее беспокойство бесследно исчезает. Остается только предвкушение. Хватит ли времени попробовать все лишь за сутки? Наконец она здесь. Объятие Йорана становится крепче. Приключения начинаются.

Дан

Дан Аппельгрэн бежит со всех ног, но никуда не прибегает. Отличная метафора для описания его бестолковой жизни. И к тому же он бежит на этом пароме, который только и знает, что ходить по морю туда-сюда, туда-сюда. Дан чувствует себя таким Хароном из мифа, обреченным вечно переводить людей через одно и то же водное пространство.

Раздается сигнал, оповещающий, что «Балтик Харизма» отчалила от пирса. Он предупреждает маленькие лодки, чтобы те остерегались огромного монстра.

Дан увеличивает скорость на беговой дорожке тренажерного зала для персонала, теперь она жужжит громче. Ноги в кроссовках громче и чаще топают по старой резине. Пот собирается каплями на лбу и жжет глаза. Он пахнет кислым – через кожу выводятся остатки химических веществ. Кровь поднимается к горлу, в ушах стучит пульс. Ужасные получатся заголовки в газетах, если сейчас его хватит удар. *Поп-звезда найден мертвым на финском пароме.*

Дан ощупывает под футболкой живот – неплохо для сорока пяти лет, – но не может удержаться, чтобы не ущипнуть себя за небольшой слой подкожного жира, который теперь покрывает кубики пресса. Даже если он неудачник, это не повод выглядеть кое-как.

Стук подошв по беговой дорожке – единственный ритм, под который Дан тренируется. Ему уже тошно от музыки в наушниках. Вечера и ночи на «Харизме» сопровождаются постоянной передозировкой музыки. Час за часом Дан помогает в караоке-баре подвыпившим гостям допеть фальшивыми голосами песни, подбадривая их, изображая восторг, притворяясь, что никогда не слышал ничего подобного. Одни и те же песни. Одни и те же люди, только с разными лицами. Приходится вливать в себя море кокаина, чтобы это выдержать. А чтобы уснуть, он потом пьет в клубе крепкий алкоголь. Музыка слышна отовсюду. Стучащий оглушительный ад, убивающий душу. Преддверие преисподней, где один танцевальный ансамбль и один диджей играют одни и те же композиции сутки напролет. Выдавая стаду то, что они просят.

Проклятый паром.

«Харизма» взяла Дана в плен. Но на земле ему тоже нет места. Его перестали приглашать даже в гей-клубы. Своего жилья у него нет, а друзей, готовых приютить, остается с каждым днем все меньше. Куда ему податься, если никто нигде не ждет? Как зарабатывать деньги? Ничего другого он не умеет, а вставать за кассу «Макдональдса» не хочется. На пароме он живет и питается бесплатно, но все заработанные деньги уходят на то, чтобы приспособить эту жизнь к его собственной. Это дорого стоит, поэтому Дан, видимо, останется здесь до самой смерти... или пока паром не спишет на свалку. Интересно, что наступит раньше? Своеобразная получилась гонка. «Харизма» – огромный пафосный монстр времен восьмидесятых, и до ушей Дана время от времени доносится шепот персонала о его возможном списании, и многие боятся остаться без работы.

У Дана начинает кружиться голова, как будто он извел весь кислород в этом зале без окна. Он снижает скорость дорожки до режима ходьбы. Теперь пот течет ручьями, капает и мгновенно испаряется с разгоряченной кожи. Наконец Дан выключает дорожку и становится на пол. Ноги дрожат. Приходится пережить еще один приступ головокружения, прежде чем тело поймет, что пол под ногами не движется.

Но на самом деле он никогда не стоит полностью неподвижно. Вибрации двигателей на судне не прекращаются. Они сохраняются в теле Дана даже тогда, когда он сходит на берег в выходные дни. Ночью Дан просыпается, и ему кажется, что он все еще на корабле, потому что он чувствует вибрацию каждой клеткой тела, она никогда не покидает его, как фантомные боли.

Мокрая от пота футболка прилипает к спине. От нее становится холодно. Дан пьет воду из бутылки и натягивает толстовку. Быстро выходит в коридор, минует комнату отдыха и столо-

вую для персонала. Эти помещения четко разделяются согласно негласному рейтингу. Прямо как в школе. Старые затертые деревянные столы покрыты клетчатыми скатертями и украшены пластиковыми цветами. Хлеб, фрукты и всякая всячина для бутербродов выложены на длинной стойке. В корзинках лежат порции кетчупа и коричневого соуса для барбекю. Взгляд Дана скользит по Йенне и толстым танцовщикам из ее дурацкого маленького ансамбля. Она тоже его замечает и отводит глаза. Дана охватывает злость от непрошенных воспоминаний об их первой встрече на пароме. Йенна права. Он *был когда-то*. Но и она не более чем *хочу стать*, напрасно тратящая время на тех, кто *никогда не станет*. И нет у нее оснований думать, что она чем-то лучше его. И считать, что работа на проклятом финском пароме дает ей какой-то статус. Вся эта жизнь – просто глупый фарс. Во всяком случае, Дан и сам знает, кто он и что из себя представляет.

Судно до отказа набито людьми, которые на берегу – никто, но здесь они чувствуют себя властелинами мира. Например, вот охранник Хенке так любит свою униформу, что совершенно очевидно, что в реальной жизни его унижают, может быть, фригидная жена и гадкие детки. Или взять самого капитана Берггрена и его компанию. На пароме есть даже офицерский ресторан, чтобы им не приходилось есть среди остальных. Он совсем не лучше столовой, только меньше. И еще цветы на столах стоят настоящие. Все они с ума сходят от своих званий и того, сколько у кого полосок на погонах. Берггрэн, несомненно, хозяин на этой ржавой посудине, и все приближенные почитают его как короля. Но король с таким ничтожно малым владением, как «Харизма», явно не достоин того, чтобы Дан ему служил и поклонялся.

Он спускается по лестнице вниз на девятый этаж, проходит по коридору в свою каюту. Она маленькая, но хотя бы с окном, в отличие от кают персонала на десятом этаже, как, например, у Йенни.

Двадцать лет назад Дану предоставляли единственную на борту каюту люкс. Бесплатные обеды он получал в настоящих ресторанах, и ему разрешали приглашать в круизы гостей. И все же тогда он мог позволять себе и отказываться. Шлягер «Как лихорадка в сердце моем» занимал первые места в хит-парадах, и работа на пароме была ниже его достоинства.

Дан снимает толстовку. Срывает с себя майку и с силой бросает на пол. Сбрасывает с ног кроссовки, стягивает носки. Ногам холодно от синего пластмассового пола. Когда он снимает шорты, чувствуется тяжелый запах застарелого секса. Как ее звали? Кажется, что всех, с кем он развлекался, звали Анна, Мария, Линда, Петра или Оса. Но эта красавица была помоложе. Эльса? Она сказала, что обожала шлягер «Как лихорадка в моем сердце», когда ходила в детский сад. Это так обидело Дана и испортило ему настроение, что член, разумеется, сразу опал. Но девчонка знала, как с ним обращаться. Некоторые девицы, рожденные в девяностых, совершенно испорчены порнографией. Превращают постель в цирк для гиперактивных детей. Ни одна поза не устраивает их больше двух минут. Хотят, чтобы их связывали, таскали за волосы, душили. Ему все время кажется, что они наслаждаются в первую очередь вниманием и надеждой произвести незабываемое впечатление.

Дан смывает с себя в душе следы Эльсы. Чувствует полуэрекцию, когда приводит себя в порядок бритвой там внизу. Член кажется большим и тяжелым. Интересно, чем Эльса занималась остаток вечера, когда он ушел из ее каюты, где она расположилась с неизвестной ему подружкой. Ходила по парому и искала его? Рассказывала подружке, что переспала с Даном Аппельгреном? Наверное, сейчас девчонка уже дома, где бы это ни было. Паром ее выплюнул. Наполнился новыми телами. И скоро все начнется сначала.

Филип

Пока Филип приводил в порядок кассу, кофе остыл, но он все же выпивает остаток в надежде, что кофеин поможет рассеяться густому туману в голове. Вибрация двигателей судна заставляет висящие над баром стаканы дрожать и позвякивать. Филип задумывается, не выпить ли виски, но вместо этого достает тряпку и начинает протирать стойку бара.

Филип восьмой день на вахте за стойкой бара «Харизма Старлайт» и уже страшно устал. Он чувствует себя выжатым как лимон в буквальном смысле этого слова, как будто его тело выкручивали до тех пор, пока не лопнули все мышцы. Ему, наверное, следует побеспокоиться о том, сколько еще его тело сможет продержаться в таком режиме. Филип немного поспал, пока паром стоял в гавани. К тому моменту, когда он добрался до кровати, его спина так занемела, что он даже не почувствовал под собой матрас. Через полчаса бар снова откроют, и Филип будет на посту до пяти утра.

Через пару дней он окажется дома. Тогда он наконец-то выспится. Иногда Филип по нескольку суток лежит в кровати как приклеенный, выползая только чтобы посмотреть телевизор. Сейчас этот отдых кажется раем. И все же Филип начнет скучать по «Харизме», когда минует неделя выходных. И в этот раз он тоже будет старательно считать дни, оставшиеся до новой вахты на борту.

За спиной появляется Марисоль, достает один из его стаканов и снова исчезает в комнате для персонала. Когда Филип потягивается, в позвоночнике что-то щелкает. Над баром светят фигуры из множества лампочек в форме созвездий, именно в их честь бар получил свое название.

Филип оборачивается и снова видит Марисоль. Она уставилась в телефон. Экран освещает ее лицо снизу. Пальцы скользят по экрану, на губах блуждает улыбка.

Филип идет к штабелям бутылок и наполняет холодильник ромом «Бакарди Бризер».

– Когда ты наконец перестанешь быть такой свежевлюбленной? – смеется он.

Марисоль прячет телефон в карман фартука и убирает свои черные волосы в хвост. Филип слышит, как натянутая резинка с хлопком возвращается в исходное положение.

– Меня нет дома половину времени, поэтому нам нужно проверять чувства хотя бы в два раза дольше обычного, правильно же?

Она живет в Швеции с рождения, но от чилийских родителей девушке досталась особенная интонация.

– Может быть, я смогу тебя простить, если ты как-нибудь присоединишься к моим развлечениям. А то ты в последнее время стала невыносимо скучной.

Марисоль усмехается в ответ.

Интересно, как у нее получается строить отношения с новым парнем. За многие годы работы на «Харизме» Филипу ни разу не удалось создать прочную связь с девушкой на суше. Все отношения распадались со временем. Эти отрывистые телефонные разговоры между рабочим временем и слишком коротким сном, попытки сохранить в памяти происходящее на борту, чтобы дома рассказать какую-нибудь историю... Но как только Филип ступал на берег, все истории оказывались такими незначительными, теряли весь свой блеск. Соединить два этих мира очень трудно. Многие живут двойной жизнью: имеют одного партнера на земле и одного – в море.

Некоторое время Филип и Марисоль работают в тишине. Ему нравится ежедневная подготавливающая работа, пока бар еще не открылся. Здесь так спокойно, хотя дел полно.

Филип закрывает холодильник и относит ящики с пустыми бутылками в подсобку.

– Кстати, о голубках, – говорит он, вернувшись. – Интересно, как идут дела у Калле?

– Ты разве не слышал?

Марисоль привычными движениями нарезает лимоны на ломтики и складывает их в пластиковую миску под барной стойкой.

– Нет пока. – Филип моет руки и выкладывает на разделочную доску лаймы.

Теперь они режут вместе. Стук ножей, режущих мякоть фруктов, сливается в дуэт. Стаканы продолжают позвякивать.

– Кажется, что Калле работал здесь так недавно, – говорит Филип. – Черт, как быстро летит время... Безумие просто.

– Да, так всегда ворчат старички, – улыбается Марисоль.

Глаза щиплет больше, чем Филипу хотелось бы показать.

– Еще пара лет, и ты окажешься на моей стороне сорокалетнего рубежа.

– Ты действительно рискуешь напомнить мне об этом сейчас, когда я держу в руках нож? – возмущается девушка. – Ты знаком с его парнем?

– Нет, я почти не виделся с Калле с тех пор, как он уволился. Он переехал на юг Швеции, чтобы там учиться. Мне бы надо чаще ему звонить. Но ты знаешь, как это бывает...

Марисоль согласно кивает, а Филип понимает, что наверняка однажды он точно так же скажет про нее. Для нее «Харизма» – всего лишь место работы. Для него – вся жизнь, это его дом. На самом деле это единственное место, где Филип чувствует себя по-настоящему дома. Он уже не может представить себе работу в другом месте. И это еще один повод для беспокойства. Особенно сейчас, когда поговаривают о том, что дни «Харизмы» сочтены.

– Кем он стал? – спрашивает Марисоль. – На кого он учился, я хотела сказать.

– Он ландшафтный дизайнер, – отвечает Филип. – Или архитектор, или что-то в этом роде. Черт возьми, я должен бы знать, правда?

– Наверное.

Филип надеется, что это знает Пия, так что ему не придется спрашивать Калле самому.

Марисоль собиралась что-то ответить, когда кто-то застучал по стальной решетке у входа. Они переглянулись.

– Твоя очередь, – говорит девушка.

Но, подойдя к решетке, Филип видит, что это не кто-то из пассажиров, кому не терпится в бар, а Пия, которая переминается с ноги на ногу, держа в руках бумажный пакет.

– Я получила сообщение от Калле, – говорит она. – Они только что сели за столик в «Посейдоне».

– Дай мне одну минуту. – Филип возвращается к бару и снимает фартук. – Я быстро, но, возможно, не успею вернуться к открытию.

– Я думаю, что справлюсь одна первые минут пятнадцать или даже полчаса, – улыбается Марисоль.

Лед громко гремит, когда Филип наполняет им ведро. Бутылка надежно пристроена среди льда, и Марисоль снимает два бокала для шампанского и протягивает Филипу.

Она провожает его до решетки. Примерно в метре от пола решетка, как всегда, застревает. Филип чертыхается, Пия и Марисоль смеются в ответ. Каждый божий день он воюет с этой проклятой решеткой. Он трясет ее, раскачивает, подталкивает бедром и одновременно тянет, наконец она поддается и с оглушительным грохотом уходит вверх.

Альбин

В окне за спинами мамы и папы один за другим проплывают стокгольмские шхеры. Последние лучи заходящего солнца освещают кроны деревьев. Альбин смотрит на деревянные дома, выглядывающие из-за деревьев, и купальни у самой воды. Представляет, каково было бы сидеть на одном из этих мостиков и наблюдать, как проходит большой паром. Папа говорит, что эти домики стоят раз в десять больше их таунхауса.

Мама утверждает, что не в деньгах счастье, но Альбин не может даже представить себе, как в таких домах можно горевать. Лучше всего иметь дом на собственном острове, который никто не мог бы найти без специальной карты.

«Эти идиоты из отдела закупок совершенно не понимают суть работы, – частенько жалуется папа. – Одна рука не знает, что делает другая. И мне осточертело разгребать за ними завалы и косяки».

Отец утверждает, что любит свою работу, но, когда говорит о ней, создается обратное впечатление. Там все время куча проблем. И создают их всегда другие сотрудники. Он всегда молодец, а остальные – дураки или лентяи.

Когда Альбин был маленьким, он думал, что папа лучше всех. Он рассказывал сыну историю, где миру угрожали огнедышащие драконы и страшные землетрясения, а потом появлялся он и всех спасал. Самым любимым, конечно, был рассказ о том, как они с мамой забрали его из детского дома во Вьетнаме. Как папа сразу понял, что Альбин – это их маленький мальчик, и как они остались во Вьетнаме на несколько месяцев, чтобы Альбин их получше узнал, перед тем как забрать его в Швецию. Раньше Альбин думал, что папа все знает и умеет. Но сейчас он понял: все, что он говорит, не более чем сказки.

Вчера вечером отец опять говорил о бабушке. Такие вечера самые невыносимые.

Мне, наверное, стоит поступить, как маман. Тогда бы все точно обрадовались?

Голос папы звучал грубо и неприятно.

Я был последним идиотом, потому что верил, что меня можно любить.

Ты давно уже бросила бы меня, если бы знала, что еще кому-то нужна. И ты, и Аббе – вы оба только и хотите от меня избавиться.

Альбин не спал, а лежал в кровати и слушал папины шаги на первом этаже. Он хотел быть готовым в том случае, если папа поднимется к нему. Его шаги на лестнице – особый язык. Они подсказут, сердится отец или плачет. Это как два совершенно разных человека, хотя говорят они одно и то же. Но оба папы одинаково страшные, потому что ни один из них никого не слушает и не слышит. Иногда он уходит ночью из дому. Именно в эти моменты папа говорит, что сделает это, что у него уже больше нет сил.

Ты должен знать, Аббе, что если я не выдержу, то это не твоя вина. Никогда не думай, что ты в чем-то виноват.

За окном пролетают несколько чаек. Их клювы раскрываются и закрываются, в ресторане «Буфет „Харизма“» их крика не слышно». Здесь раздаются громкие голоса и стук приборов о тарелки. Если бы Лу была здесь и если бы она была той Лу, которую Альбин знал, то он рассказал бы ей, что раньше люди верили, что чайки – это души погибших моряков. И еще что на дне Балтийского моря лежит множество затонувших кораблей. И тьма погибших моряков.

Но Лу еще не пришла. Альбин с родителями начали ужин без нее.

Лу вообще не хотела с ними ехать!

Альбин, опустив глаза, смотрит на тарелку. Запеченный в сливках картофель, тефтельки, маленькие сосиски, слабосоленый лосось, фаршированные креветками яйца. Он голоден, но в то же время в животе нет места для еды. Как огромный ком цемента, там лежат его мысли. В последний раз он видел Лу прошлым летом. Мама с папой и Линда сняли домик в Гриссле-

хамне. В ту неделю почти каждый день лил дождь, и они с Лу читали, лежа на двухэтажной кровати. Он спал наверху и иногда не мог удержаться, чтобы не посмотреть вниз на лицо читающей Лу. По ее непроизвольной мимике он понимал, о чем она читает в книге. Каждый вечер, несмотря на дождь, они ели на набережной мягкое мороженое с карамельной обсыпкой. Лу видела много фильмов ужасов и по ночам рассказывала Альбину самые жуткие моменты. Иногда они так боялись, что ему приходилось спать в ее кровати. Они лежали рядом и смотрели, как двигаются тени на потолке и как шевелятся за окном ветки деревьев. Как будто они открывали воображаемый занавес и заглядывали в другой мир, существующий по другую сторону старого и привычного. Альбину было так страшно, что казалось, будто страх притягивает как магнит то самое ужасное, чего он так боялся. И все же именно эти минуты ему больше всего запомнились в те каникулы. Было очень здорово лежать в кровати рядом с Лу, дрожа от страха, смеяться до упаду, до истерики, словно смех никогда не иссякнет.

– Как тебе? Нравится учиться в шестом классе, Аббе? – спрашивает Линда и отправляет в рот блестящий кусок селедки.

– Да, нормально все, нравится, – отвечает Альбин.

– Ты по-прежнему хорошо учишься?

– Лучший в классе, – докладывает папа. – Ему даже дают дополнительные задания, чтобы не заскучал.

Альбин откладывает в сторону вилку и нож:

– Но не по математике, по математике многие лучше меня.

– Я в школе математику ненавидела, – смеется Линда. – Видимо, поэтому я все и забыла, я едва могу сейчас помочь Лу с уроками.

– Аббе достаточно всего один раз показать, как делать то или иное задание, – с гордостью говорит папа. – Он всегда учился с легкостью.

– Какой у тебя любимый предмет?

Альбин смотрит на Линду. Некоторое время молчит. Тетя очень добрая. Но она из тех, кто все время задает одни и те же скучные вопросы для поддержания беседы.

– Думаю, что английский и шведский, – наконец отвечает мальчик.

– Надо же... Да, тебе всегда нравилось читать и сочинять истории. Лу тоже такой была, но сейчас у нее в голове только косметика и мальчики.

Цемент в животе становится еще тяжелее.

– Ты уже решил, кем хочешь стать?

Альбин знал, что именно это тетя сейчас спросит.

Он видит, что папа смотрит на него с надеждой, но все же упрямо поджимает губы и молчит.

– Он хочет стать программистом. За этим будущее, – объявляет папа. – У него фантазия ничем не хуже, чем у создателей Майнкрафта² и Спотифай³. Правда, Аббе?

Сейчас Альбин его ненавидит. Это папина идея, но ему удалось убедить себя, что Альбин сам это придумал. На самом деле Альбин абсолютно не представляет, чем хочет заниматься, знает только то, что очень ждет возможности сменить школу после девятого класса.

– Как интересно, – радуется Линда. – Не забудь про нас, когда станешь мультимиллионером.

Альбин пытается улыбнуться.

– А что решила Лу? – спрашивает мама.

– Она хочет стать актрисой, – усмехается Линда. – Конечно, она ведь королева драмы, а этого более чем достаточно.

² Популярная компьютерная игра.

³ Музыкальный стриминговый сервис.

Звучит заучено, и Альбин понимает, что она уже не раз это говорила. Некрасиво по отношению к Лу, но мама с улыбкой кивает.

– Я удивляюсь, как ты позволяешь ей так одеваться, – вставляет папа.

– «Так» – это как? – удивляется Линда.

– Она выглядит очень взрослой с макияжем и всеми делами. Не уверен, что она транслирует правильные сигналы.

Мама начинает нервничать:

– Я считаю, что Лу очень красивая. Наверное, так сейчас одевается вся молодежь.

– Ты не боишься, что Лу слишком быстро повзрослеет? – Папа не спускает с Линды пристального взгляда. – У вас ведь дома нет сильной мужской руки.

За столом повисает тишина. То, что не высказано вслух, сгущается в воздухе и давит на Альбина так сильно, что он не может сидеть на стуле прямо. Он снова смотрит в окно. На улице уже почти стемнело.

– Я просто хочу сказать, что в мире полно негодяев, – оправдывается папа.

– Спасибо, – отвечает Линда. – Я в курсе.

Мама слегка откашливается:

– Как странно она стала разговаривать. Так говорят в Эскильстуне или...

– Нет, – закатывает глаза Линда, делаясь похожей на Лу, – так говорят она и ее друзья, с которыми она проводит время. Я просто бешусь от этого.

Папа встает, и Альбин провожает его взглядом. Он идет к бару и наливает себе из крана вина до краев бокала.

– Как он себя чувствует? – спрашивает Линда.

– Хорошо, – отвечает мама, косясь взглядом на Альбина.

Как будто можно хранить в секрете то, что знают все.

Линда вздыхает и смотрит на часы, когда папа садится на место.

– Я сейчас позвоню Лу, – говорит она. – Она должна поторопиться, если хочет успеть поесть.

– Пунктуальность она явно унаследовала от матери. – Лицо папы принимает особое выражение, которое всегда появляется, если он делает вид, что шутит, но на самом деле говорит всерьез.

– Я схожу за ней. – Альбин встает из-за стола, не давая никому времени на возражения.

Только бы уйти отсюда.

Дан

Он бежит вниз на седьмую палубу по окрашенной в белый цвет стальной лестнице, расположенной в отсеке для персонала. Проходит через мрачный, без окна офис старшего администратора. Стены конторы украшают старые морские карты, на полках стоит бесчисленное множество папок с документами. Сам старший администратор Андреас выглядит не менее мрачно. Он едва смотрит на проходящего мимо Дана. Как только Дан выходит из отсека для персонала в общее пространство, его сразу оглушают шум и музыка. Он пристально смотрит на ковровое покрытие под ногами, преодолевая последние ступеньки лестницы, ведущей к стойке информации. Одновременно он старается придать себе озабоченный и важный вид, словно повесил на себя табличку: *Просьба: не беспокоить*.

Кто-то трогает его за локоть:

– Неужели вы Дан Аппельгрэн?

Он надевает на лицо широкую улыбку и оборачивается к женщине с короткой стрижкой. Она одета в полосатую кофточку под тельняшку. Интересно, эти тетки всегда одеты в тельняшки или это в честь круиза? Наверное, им хочется проникнуться *морским духом*.

– Виноват, – признается он, посмеиваясь.

– Я знала! – Женщина произносит это с таким выражением лица, словно ожидает продолжительной овации стоя.

Она примерно его возраста, но позволила себе потерять форму. Над верхней губой залегли морщины курильщицы. Седые волосы. Свитер облегает складки на боках.

– Мы с мужем обожали «Как лихорадка в сердце моем».

– Приятно слышать.

– Сейчас он, правда, мой бывший муж. Но песня мне до сих пор очень нравится.

Дан вежливо улыбается. Наверняка бывший супруг ни разу не пожалел о том, что сбежал.

– Жаль, что песня не победила на фестивале. Но вы, наверное, часто слышите эти слова.

– Слышать эти слова мне по-прежнему очень приятно. – Дан подмигивает собеседнице.

«Конечно, – думает он, – просто чудесно, когда напоминают о неудаче. И о том, что, даже оказавшись победителем, я все равно остался бы в проигрыше».

– Я только это хотела сказать.

Но женщина не уходит. Она явно чего-то ждет.

– Спасибо, – говорит Дан. – Ваша поддержка важна для меня.

Наконец она кивает на прощание и идет по направлению к магазину беспопытной торговли. Дан подходит к стойке информации, и Мики без слов протягивает ему микрофон. На его лице, как всегда, страдание. Кажется, он единственный, кто ненавидит «Харизму» не меньше, чем Дан.

Дан откашливается и включает микрофон:

– Уважаемые пассажиры! С вами говорит Дан Аппельгрэн, и я с удовольствием приглашаю всех желающих сегодня вечером в караоке-бар!

Некоторые останавливаются и смотрят с любопытством. Маленький мальчик азиатской внешности достает мобильный телефон. Дан выжимает из себя улыбку и держит ее на лице, пока не раздастся щелчок камеры.

Он снова обращается к микрофону и с невероятным усилием проговаривает обычную скороговорку с восклицательной интонацией в конце каждого предложения:

– У нас есть всевозможные песни – от классики до лучших современных хитов! Каждый найдет что-нибудь любимое! И конечно же у нас низкие цены на пиво, вино и коктейли! Вечеринка в караоке-баре начинается в девять часов. Бар располагается на седьмой палубе! Ждем вас! До скорой встречи!

«Балтик Харизма»

Судно скользит между шхерами со скоростью пятнадцать узлов. В темной воде отражается свет прожекторов и многочисленных окон.

На капитанском мостике тихо. Командир корабля Берггрен ушел в свою каюту отдохнуть. Вахтенный матрос наблюдает за обстановкой в бинокль, высматривая малые суда, которые могли не попасть на радар, а дежурный штурман следит за тем, чтобы паром не превышал установленные ограничения.

На кухне на восьмой палубе сейчас самое оживленное время суток. Повара и официанты перекрикиваются. Плиты и фритюрницы кипят, шипят и шкворчат, посуда звенит в передвижных стойках для подносов и решетках посудомоечных машин. Ножи быстро шинкуют что-то на разделочных досках, издавая то пчелиное жужжание, то стук дятла.

В спа-центре в гидромассажной ванне сидит пожилая пара. Под водой они держатся за руки. Смотрят в огромные панорамные окна на улицу. Под ними располагается прогулочная палуба, где еще стоят некоторые пассажиры и провожают взглядами последние шхеры перед тем, как паром выйдет в открытое море. Солнце зашло, но небо еще не совсем потемнело.

Пия и Филип только что поставили ведро со льдом и бутылкой шампанского на втором этаже двухэтажной каюты люкс, и теперь пытаются растянуть на стене у кровати огромный плакат.

Старший администратор Андреас сидит за рабочим столом и смотрит на спящего вздвперед Дана Аппельгрена. Потом открывает одну из папок. В это время, когда он думает обо всех счетах, которые нужно оплатить, и о требовании паромной компании сократить количество персонала, его настигает чувство безнадежности.

Мальчик по имени Альбин стоит у лестницы на седьмой палубе и рассматривает схему расположения помещений на этажах. Находит красную точку, которая показывает, где он сейчас. Внимательно изучает номера кают. Их бесконечно много. В некоторых местах Альбин видит пустые белые пятна, они делают схему похожей на пазл, который не успели сложить до конца. «Интересно, – думает он, – что может находиться в этих белых промежутках?» Наконец находит коридор с номерами 6512 и 6510 в противоположном конце корабля. Бежит по левой стороне на другой конец судна. На схеме коридор казался длинным, на самом деле он бесконечный. Когда Альбин пробегает мимо двух пожилых дам, они ему ласково улыбаются.

В нескольких каютах распивают купленный без пошрины алкоголь. Страсти накаляются, музыка становится громче, ожидания – выше... В одной каюте празднуют мальчишник. У жениха на голове белая фата. Компания поет застольные песни.

Темноволосая женщина с сильно накрашенным лицом слышит эти песни. Она стоит в своей каюте перед зеркалом. Накладывает еще один толстый слой пудры на лицо. Ее грудь висит, как два пустых кожаных мешочка, она надевает поверх черного платья черную кофту, застегивает до самого верха. Она думает о том дне, когда начнет так выглядеть всегда. Станет одной из Старейшин. Мысль внушает ей ужас, но альтернатива не дожить до этого пугает еще сильнее. Она смотрит в окно. Растирает руки, чтобы они согрелись. Мышцы под кожей ведут себя странно, как будто между кожей и костями им не за что зацепиться. У нее не хватает двух пальцев на правой руке. Они отняты на уровне первого сустава.

– Скоро стемнеет, – говорит она, обращаясь к мальчику, уложенному на двуспальную кровать. Он не реагирует. – Я скоро, – добавляет она и мажет шею маслом с ароматом сирени.

Потом скользит указательным пальцем вдоль цепочки, на секунду задерживается на медальоне. Пытается улыбнуться, показывая пожелтевшие зубы. На некоторых видна треснувшая эмаль. Мальчик не отвечает, и улыбка женщины гаснет. Она опускает взгляд и выходит в коридор. Прячет руки в карманы кофты. С беспокойством смотрит на яркие лампы и уско-

ряет шаг. Ее туфли мягко шуршат по темно-красному ковру, пока она проходит одну за другой двери в каюты, все совершенно одинаковые. Из-за одной слышны голоса. Стайка парней скандирует что-то вроде футбольной речевки. Женский смех. Громкая музыка. Женщина нервничает. Она думает о том, что делать это на борту слишком рискованно, но иначе ей с сыном не добраться до Финляндии. Усталость камнем давит на нее и заставляет тело неметь. Проникает во все уголки плоти. Чувствуется даже в душе. *Если у меня еще есть таковая.* Дверь перед ней открывается, несколько парней лет двадцати вываливаются из каюты. Женщина быстро отворачивается к ближайшей к ней двери. Делает вид, что ищет в кармане кофты ключ. Когда они уходят достаточно далеко, она продолжает свой путь по коридору. Незаметно нюхает воздух. Запах парней все еще не улетучился. Дешевый одеколон. Теплая кожа только что из душа. Мокрые волосы. Пиво. Леденцы от кашля со вкусом смолы. Вычищенные зубы. Но самый сильный запах издают их тела – смесь ожидания и опьянения. Чувства заставляют кровь бежать быстрее, ближе к коже. Запахи так сильны, что женщина почти чувствует на языке вкус. Она старается сохранить самообладание. Сворачивает в боковой коридор, ведущий к лестнице. По ней поднимаются несколько человек. Женщина опускает глаза и, поднимаясь вверх, смотрит на ковер. Пытается сосредоточиться, отбросить множество синтетических запахов, которые атаковали ее обоняние. Под ними остались ароматы пота, крови, гормонов, мочи. Капля засохшей спермы с острыми краями. Перхоть с затылков. Ее голод становится сильнее с каждой минутой. Вытесняет сомнения.

Ребенок женщины встал с кровати и приоткрыл дверь. Яркие лампы освещают сухое и морщинистое, как гофрированная бумага, личико. Интересно, сколько у него времени до ее прихода?

Альбин

Он вздрогнул, когда за спиной резко открылась дверь. Обернулся. Из каюты выходит пара в возрасте мамы и папы. Женщина опирается на мужчину, пока тот закрывает дверь, и Альбин видит полоску пота на его рубашке между лопатками.

– Черт возьми, какой же вкусный здесь шведский стол, – говорит мужчина слишком громко, как будто женщина далеко, а не рядом. – Боже мой, я мечтал об этом целую неделю!

Женщина кивает. У нее тяжелые веки. Она напоминает Альбину одну из кукол Лу. Она должна была закрывать глаза, когда ее клали на спину, но веки застревали на полпути. Получалось, что кукла и не спит, и не бодрствует.

Пара не видит Альбина. Они направляются в сторону, откуда он только что пришел. Он идет дальше. Пытается представить, где находятся помещения, оказавшиеся белыми пятнами на схеме, но не находит разгадки. Еще одна дверь открывается в боковом коридоре. Оттуда выходят две женщины в блестящих платьях. У обеих очень узкие лица и ярко-красная помада на тонких губах, как будто лица рассекли вниз.

– Сегодня мы повеселимся, мама. Здорово повеселимся!

– Мужчины, берегитесь, девочки идут!

Их громкий смех отдается эхом.

Наконец Альбин подходит к двери 6510 в самом конце коридора и осторожно стучит. Ждет. Чувствует, как вибрирует пол. Слышит, как открываются и закрываются другие двери. Снова стучит.

– Я все время тороплюсь, но все равно всегда опаздываю! – кричит Лу и открывает дверь.

Она убрала волосы в хвост, и ее лицо снова изменилось. Кожа как пластмассовая и очень плотная. На губах блеск, на веках перламутровые тени. Она вздыхает с облегчением, когда видит, что это Альбин. Лу уходит обратно в каюту, он, секунду поколебавшись, заходит тоже.

– Я видел Дана Аппельгрена, – рассказывает он. – И даже сфотографировал.

– Какое счастье! – Лу не оборачивается. – Мой любимый артист, я о нем всю жизнь мечтала.

Альбин не отвечает. Только жалеет, что рассказал ей. Лу встает на четвереньки перед двуспальной кроватью. Аромат ее духов наполняет всю каюту. На кровати лежат одежда и розовая косметичка. На столике перед зеркалом разбросаны косметика и украшения. На полу валяются большая щетка для волос и фен, не выключенный из розетки. Как будто по каюте прошло цунами женственности и везде оставило руины.

– Они сильно разобиделись, что я опаздываю?

– Ты не успеешь поесть, если не поторопишься.

– Какая жалость! – Лу садится на колени. – Я всю жизнь мечтала отравиться в этом ресторане.

Она достает миниатюрную бутылочку водки, эта марка знакома Альбину. Будь это бутылка нормальных размеров, Лу оказалась бы великаншей. Она откручивает крышку, подносит горлышко к сверкающим губам и пьет. Едва не поперхнувшись, со слезами на глазах, Лу смеется и протягивает бутылочку мальчику:

– Будешь? – Она ухмыляется и качает головой. – У меня есть еще две, если вдруг надумаешь.

– А что, если Линда найдет их?

– Тогда я скажу, что их не заметили уборщики. – Лу поднимается на ноги.

– Ты раньше говорила, что никогда не будешь пить.

Лу смотрит на мальчика с сочувствием:

– Нам было тогда лет по десять, правда? Тебе по-прежнему столько?

– Нет.

Голос Альбина звучит так по-детски. Надо было промолчать. Он не знает, как разговаривать с этой Лу. Он вообще ее не знает.

– Откуда ты их взяла? Эти бутылочки?

– Я опаздываю именно по этой причине. Магазин беспешинной торговли только что открыли.

– Но детям алкоголь не продают.

В ту же минуту он понимает, что Лу их не покупала. Она их украла. Лу допивает содержимое бутылочки и отправляет ее под кровать.

– Спасибо за информацию. – Лу достает из кармана куртки жевательную резинку и начинает жевать. – Думаю, что нам пора.

Мадде

Тесная ванная комната наполнена влажным паром со сладким запахом фруктов. Мадде вымыла голову, намылила все тело, обработала скрабом лицо. Горячие струи воды греют плечи и спину, смывают с нее усталость и обыденность. Так называемую действительность. Она смотрит на воду под ногами и представляет, как она вытекает прямо в Балтийское море.

Мадде выпила в терминале именно в меру. Она собирается ужинать с лучшей подружкой в ресторане со шведским столом, а потом танцевать, а потом... кто знает, что будет потом? На парамах возможно все. И здесь она может быть кем угодно. Вернее, она будет просто собой.

Завтра у нее выходной. Когда ее коллеги будут ехать в метро на работу, они с Сандрой начнут завтрак с шампанского.

Скоро Мадде будет полностью свободна, и, возможно, надолго. Но об этом она не собирается думать сегодня вечером. Она не будет вспоминать своего начальника, который смотрел на нее с таким сожалением... Как будто она не знает, какую он получит премию из денег, сэкономленных на увольнении одного помощника бухгалтера.

Мадде рада, что не стала отменять поездку. Именно развеяться ей сейчас и нужно.

– Ты там жива? – кричит за дверью Сандра. – Тут уже как в парнике!

– Иду!

Мадде нехотя выключает горячую воду и отодвигает занавеску. Делает на голове тюрбан из полотенца. Протирает запотевшее зеркало, но едва успевает увидеть свое покрасневшее лицо, как зеркало запотеваает.

Она берет еще одно махровое полотенце, замечательно мягкое, и вытирается досуха. Из каюты доносятся звуки «*Living' on a prayer*»⁴. Мадде улыбается и сбрасывает полотенце. Сколько раз они слышали эту песню? Эту пластинку Мадде купила одной из первых. Тогда она еще жила на Солдатгатан в Будене. И только что пошла в четвертый класс. Они как раз только начали краситься. Сандра писала свое имя через «з», обе были влюблены в Джона Бон Джови и думали, что в песне поется о жизни в прериях. Сандра без стука открывает дверь и протягивает ей бутылку пива.

– Я снова видела этих итальянцев, – говорит она. – В магазине беспопытной торговли. Блин, они такие симпатичные, хоть и невысокие.

– Если что-то маленькое, значит нужно два, – отвечает Мадде и делает плоток из бутылки.

После сладких клубничных коктейлей, выпитых в терминале, пиво кажется горьким и крепким.

– Только бы не очень маленький в нужном месте. – Сандра поднимает бутылку, как бокал. – За тебя, старая проститутка.

– За тебя, старая шлюха.

Они чокаются бутылками, и Мадде снова пьет.

– Я уже пьяная. – Сандра опирается на дверь.

– Тогда не пей много. Нам нужно продержаться всю ночь.

– Это запросто. Мы еще не *настолько* старые.

– Но мы знаем, как это бывает. – Мадде брызгает подмышки дезодорантом. – Мы не должны напиться слишком рано.

– Да, мама, – ухмыляется Сандра.

– Сегодня я должна повеселиться по полной. Иначе я сойду с ума.

– Обязательно будет весело. У нас всегда так.

⁴ «Живем молитвами» (англ.) – песня американской группы «Bon Jovi» 1986 года.

Мадде втирает в тело крем. В его состав входят крошечные блестки, и ее кожа начинает светиться.

Сандра исчезает из дверного проема, и Мадде поворачивается к зеркалу. Ее отражение уже понемногу появляется, как привидение из тумана. Она делает еще несколько глотков. Пиво в бутылке приятно булькает. Жужжание фена заглушает музыку, но Мадде все равно подпевает, в то время как маленькое помещение ванной комнаты наполняют запахи бальзама и мокрых волос. Она укладывает лаком свои светлые локоны. Завершает укладку новым спреем, тоже с блестками, теперь ее волосы выглядят как золотые нити. Она довольно быстро красится. Допивает пиво в бутылке, накладывая тени. Она снова начала потеть.

– Я хочу курить, – кричит Сандра.

– Я тоже, – отвечает Мадде. – Я сейчас.

– Давай быстрее. Я уже офигела от того, что сижу здесь и пялюсь на стены.

Мадде воздерживается от того, чтобы напомнить Сандре, что именно она выбрала каюту без окна. Она находится во внутреннем коридоре на девятой палубе. Маленькая, как обувная коробка, зажата среди других таких же коробок. Но Сандра сказала, что они не будут сидеть в каюте, только спать, да и то неизвестно, будут ли. А Мадде напомнила себе, что ей бы следовало не тратить все деньги, а немного откладывать на черный день, который уже настал, но она не собирается думать об этом сегодня вечером.

– Можешь идти, раз тебе так трудно подождать, – кричит Мадде, тщательно изучая результат колдовства в зеркале.

Все вокруг Мадде блестит и сверкает. Куда пропала помощница бухгалтера, которой предстоит увольнение?

Выйдя из ванной, она начинает смеяться. Сандра развесила гирлянду из искусственных цветов вокруг зеркала у письменного стола. В каждой цветке горит лампочка.

– Боже мой, какая красота!

Сандра включает телевизор. Несколько раз переключает каналы, находит трансляцию с танцпола ночного клуба «Харизмы». Пока он пуст. Но ненадолго. В Мадде загорается нетерпение.

– На. – Сандра протягивает мятную конфету.

Запах ментола освежает Мадде нос.

– За сегодняшний вечер, и пусть он кончится как угодно.

– Именно как угодно. – Мадде допивает пиво.

Теперь можно считать, что круиз начался.

Мадде наклоняется над чемоданом и ворошит одежду. Достает маленькое черное платье, настолько прозрачное, что его почти нет.

Одевшись, она вдевает в уши большие золотые кольца, брызгает облако духов и крутится в нем, чтобы аромат лег на кожу равномерно. Сандра театрально кашляет.

– Как я выгляжу?

– Толстая и красивая. – Сандра отсоединяет телефон от колонок. – В точности как я. Пойдем.

Мадде кладет самые важные предметы косметики в сумку. Сандра снова накидывает на шею боа из лебяжьего пуха, поправляет лифчик. Они выходят в коридор. Дверь не сразу закрылась, пришлось приложить усилие, чтобы ее захлопнуть. Одновременно закрывает дверь соседней каюты пожилой мужчина. На его губах плотоядная улыбка. Взгляд скользит по ним вверх и вниз.

– Девочки, вы одеться не забыли? – спрашивает он сальным голосом.

– Нет, – отвечает Мадде. – Мы забыли раздеться.

Сандра фыркает, и они, взявшись за руки, идут по коридору.

Марианна

Марианна поднимается на восьмую палубу. Идет по широкому коридору с панорамными окнами от пола до потолка. Приглушенное мягкое освещение щадит чувства пассажиров, все они кажутся молодыми и красивыми. Мимо проходит, держась за руки, молодая пара, они выглядят очень влюбленными. Следом идет компания женщин ее возраста, они громко смеются. Марианна идет дальше. Проходит мимо ресторана «Посейдон» с белыми льняными скатертями на столах. Проходит мимо кафе и бара. Оборачивается и видит то, что искала в конце галереи у самой лестницы, по которой спустилась. Двери из дымчатого стекла в ресторан «Буфет „Харизма“» открыты. Но Йорана нет. Разве они не договорились встретиться у входа?

Марианна становится у окна. Тьма поглотила остаток дня. Марианна делает вид, что смотрит на воду, но на самом деле разглядывает в стекле свое отражение. Ей уже хочется выпить бокал вина. Она приглаживает волосы. Украдкой нюхает запястье и думает, не слишком сильно ли она надушилась, выходя из каюты.

Мимо нее проходят люди. Марианна видит их отражения. Кажется, что все они точно знают, куда идут и чего хотят. Она же не имеет об этом никакого понятия.

Женщина снова приглаживает волосы. Ей вдруг становится не по себе. По спине пробегают мурашки. Она ощущает на себе чей-то взгляд. Марианна осторожно оглядывается. Йорана не видно. Но неприятное чувство внутри растет. Она прислушивается к звукам фортепиано, раздающимся из «Посейдона», отголоскам ирландской рок-музыки из бара.

Дальше по коридору перед игровыми автоматами с большими экранами сидят небрежно одетые мужчины. В стороне от них расположился стенд фотографа с фотографиями пассажиров, входящих на борт. Марианна возвращается. Заглядывает в бар. Там темновато. Зеркала украшены трилистниками клевера. На рекламном плакате изображен сорт темного пива со вкусом размоченного черного хлеба. Зеленая неоновая вывеска сообщает, что заведение называется «МакХаризма». Посетители в основном мужчины, но Йорана среди них нет. Единственная женщина сидит в самом дальнем углу. У нее черные тусклые волосы. Она кутается в черную кофту, словно прячется от холода. Несмотря на полумрак, видно, что морщины на ее густо накрашенном лице очень глубокие. Вокруг глаз залегли тени. На столе перед женщиной стоит нетронутый стакан пива.

По спине Марианны снова бегут мурашки. Дрожь пробирает ее до корней волос. Она уверена, что эта женщина следит за ней.

Что-то странное есть в ее лице. Что-то явно не так.

Так не должно быть.

«Наверное, это просто обман зрения», – думает Марианна. Неудачный макияж заставляет ее вспомнить один старый фильм с американской актрисой Бетти Дэвис. Но почему она сидит и смотрит именно на меня?

Мимо проходят двое мужчин с грудными детьми в слингах, розовощекие пухлые дети счастливо улыбаются беззубыми ртами и сучат ножками.

– Вот ты где, моя конфетка!

Йоран спешит к Марианне от входа, берет ее под руку и ведет к ресторану со шведским столом. Марианна бросает на бар последний взгляд. Женщина, опустив глаза, рассматривает стол. Волосы прикрывают ее лицо. Теперь Марианна видит только горестно ссутулившуюся фигуру. Совершенно одинокую. Похожую на нее саму.

Друзья Йорана ждут у входа в ресторан. Администратор за маленькой стойкой у входа, натянуто улыбаясь, показывает на схеме зала, где будет располагаться их стол.

– Проголодалась? – Йоран ведет ее дальше.

В зале очень шумно от голосов и стука приборов, гул как будто разложил на молекулы и растворил Марианну. Она понимает, что нужно что-то ответить на вопрос Йорана. Нос наполняется запахами горячей пищи. Она кивает. И ее взгляд падает на шведский стол с множеством разных блюд.

– Кто бы мог подумать, какая роскошь! – слышит она свой голос словно издалека. – Где же тут начало и где конец?

Йоран смеется, радуется ее удивлению. Она смотрит на его лицо, и вдруг ее осеняет, что она, быть может, полюбит его, когда они снова окажутся на берегу.

Калле

В ресторане «Посейдон» из колонок слышны размеренные композиции Фрэнка Синатры в фортепианном исполнении. Вечер только начался, посетителей мало, поэтому все разговаривают вполголоса.

Калле и Винсент смотрят друг на друга, между ними на белой скатерти только что оказалось огромное блюдо с морепродуктами. На сверкающем льду омары, королевские креветки, речные раки, просто креветки, копченые креветки, устрицы и клешни крабов.

– Приятного аппетита, – желает официант с тщательно уложенной гелем прической, где все пряди торчат в разные стороны.

– Это просто даже как-то неприлично, – говорит Винсент, смеясь, когда они снова оказались наедине.

– Я же говорил... – Калле поднимает бокал шампанского. – За нас.

– Да, – соглашается Винсент. – За то, что я наконец могу увидеть эту страницу твоей жизни.

Они делают по глотку. Калле так нервничает, что с трудом глотает. Смотрит на свою руку и удивляется, что она не дрожит.

Когда они переодевались к ужину, у Калле была почти паника. Он смотрел на то, что взял с собой из одежды. Как бы то ни было, это памятный вечер, и он хочет выглядеть как можно лучше, чтобы Винсент запомнил его в лучшем виде. Поэтому он выбрал черный пиджак, белую футболку и ботинки известного бренда цвета бычьей крови.

– Как тебе? Хорошо вернуться обратно? – спрашивает Винсент. – Что-нибудь изменилось?

Калле кивает. Как только они оказались на борту, он почувствовал запахи, которые никогда не выветриваются. Запах сладкого, душного похмелья, старого пива, средств для чистки коврового покрытия с уксусом. Он как будто вернулся в прошлое на восемь лет назад. Всколыхнулись воспоминания не только о «Харизме», но и о том, каким он был тогда. Калле не предполагал, что так будет. Пришло понимание, что круиз не был такой уж хорошей идеей.

– Она стала такая потрепанная. И народу немного. «Харизма» уже не выдерживает конкуренции. Новые паромы и больше, и шикарнее.

Калле старается, чтобы его голос звучал беззаботно, но ему горько видеть, как «Харизма» постарела. А может быть, он просто смотрит на ее новыми глазами?

– Во всяком случае, наша каюта люкс совершенно шикарная, – улыбается Винсент.

– Поэтому она почти всегда пустует. Не так уж много желающих потратить кучу денег за один день на финском пароме.

– Сколько же она стоит?

– Не знаю. Филип организовал скидку.

Именно в это время Филип и Пия занимаются украшением каюты.

Калле смотрит, как Винсент тянется за клешней краба, колет ее щипцами.

– Ты не будешь есть? – спрашивает тот, макая мясо краба в чесночный соус и отправляя в рот.

– Буду. – Калле пытается выглядеть спокойным, а не похожим на человека, у которого невроз на грани психоза. – Я не очень голоден.

– Ты должен мне помочь с этим богатством.

Калле берет креветку, очищает неуклюжими движениями. На вкус она немного резиновая, и он жует без удовольствия.

– Просто невероятно красиво. – Винсент кивает в сторону окна. – Мы должны потом выйти на палубу и насладиться видом.

Островки уже выглядят как более плотные участки сине-черного воздуха. Иногда в промежутках между деревьями мелькает свет, огоньки танцуют на воде.

Калле хмыкает в знак согласия. Разглядывает профиль Винсента. Немного курносый нос, темные волосы, очень мужественный квадратный подбородок. Усы подчеркивают пухлость верхней губы. Голубые глаза приобретают новый оттенок в зависимости от света вокруг, в точности как вода. Его лицо такое живое. Сколько раз он уже смотрел на Винсента и чувствовал, будто видит его в первый раз!

– Трудно поверить, что Балтийское море такое загрязненное, когда вот так на него смотришь. – Винсент задумался. – Помнишь, мы смотрели документальный фильм?

– Да. – Калле окидывает взглядом морепродукты, ни один из них не пойман в воде за окном.

Винсент имеет в виду фильм, где показывалось, как русские корабли ежедневно сливают прямо в море сточные воды от тысяч пассажиров.

– Если бы Посейдон существовал, он выбрал бы для жизни другое место, – замечает Калле.

Винсент смеется, берет и чистит креветку.

С их первого свидания прошло пять лет, но Калле долго не покидало чувство, что он не заслуживает Винсента, он не верил, что ему так повезло. Они наконец занялись обустройством новой квартиры, и теперь каждое утро Калле просыпается в спальне с высокими потолками и белыми стенами и думает, как же такое могло произойти. Ему по-прежнему трудно поверить, что они с Винсентом обрели дом.

И теперь он хочет попросить о еще большем счастье.

– Ты как будто не здесь, – говорит Винсент.

Калле качает головой:

– Просто как-то странно быть снова на «Харизме».

Калле видит, как к их столу направляется женщина в форме охранника. Ее волосы убраны в пучок на затылке, точь-в-точь как раньше. Но в волосах появилась седина, и от этого кажется, что волос меньше. Форма на ней на два размера больше, чем тогда, когда они виделись в последний раз. Несмотря на широкую улыбку, женщина выглядит усталой.

– Калле! До меня дошли слухи о том, что ты сегодня с нами! Как здорово тебя видеть!

Голос совсем не изменился. Хриловатый, но нежный и похожий на смех. Этот голос имеет магическое свойство успокаивать разбушевавшихся пьяных пассажиров. И становится железно твердым, когда требуется. Сколько раз они бродили по прогулочной палубе и говорили, говорили, говорили...

– Привет, привет! – Калле встает навстречу. – Ты совсем не изменилась.

– А ты так и не научился врать. – Пия крепко его обнимает. – Ты стал таким стильным! – Она делает шаг назад и рассматривает Калле с ног до головы, проводит рукой по его выбритому черепу и смеется: – Я вижу, что успех тебе к лицу. И борода тоже.

– Это Винсент. Мой друг.

Винсент тоже встает и пожимает руку Пии. Они с любопытством разглядывают друг друга.

– Красивые татуировки. – Пия кивает на плечи Винсента, покрытые рисунками в классическом японском стиле, но со шведскими мотивами. Морошка и лось. Лосось вместо рыбы кои.

– Приятно познакомиться. – Винсент снова садится. – Может быть, ты сможешь рассказать, каким был Калле восемь лет назад?

– Неприкаянным, – говорит Калле, преувеличенно улыбаясь.

– Нет, не таким уж и неприкаянным, – усмехается Пия. – Если бы он не ушел, то стал бы директором магазина беспощинной торговли.

Произнося это, она выглядит почти гордой.

– Пия работает здесь в службе безопасности, – сообщает Калле.

– Я понял это по униформе, – улыбается Винсент. – Каково это, здесь работать?

– Ну, не знаю. Во всяком случае, что-то меня здесь держит. Думаю, что больше всего мне нравятся люди, с которыми я работаю. Или большинство из них. На каждом круизном рейсе работают почти двести человек.

Винсент присвистывает.

– Хотя пассажиры частенько выводят. Иногда такое ощущение, что работаешь в детском саду для взрослых.

Винсент смеется:

– Мне кажется, что сейчас здесь очень спокойно. Хотя корабль может таить много секретов.

– Посмотрим, что ты скажешь ближе к полуночи. – Пия смотрит на Калле. – Но сегодня в принципе может быть и спокойно. Вероятность пятьдесят на пятьдесят.

– Частенько оказывается, что мужчин больше, чем женщин. Тогда почти всегда начинается драка.

– Да, если они не заняты сексом, то им нужно заняться чем-то другим. – Пия кладет руку Калле на плечо: – Так где ты теперь работаешь? Чем занимаешься?

Калле смотрит удивленно. Думает, что она хорошо притворяется. Но потом понимает, что она действительно не знает. Они так и не дошли до этого момента в переписке. Говорили в основном о Винсенте, и он здесь, чтобы рассказать.

– Я теперь ландшафтный архитектор.

Калле немного сомневается, хорошо ли это звучит. Пока он не привык еще так себя называть. Каждый раз, входя в элегантный офис на Сканстулл, он чувствует себя немного самозванцем.

– Значит, занимаешься цветами и тому подобным?

– Не совсем. Я разрабатываю проект, как архитектор, всего, что окружает дома.

Что-то в тоне Калле звучит фальшиво. Не слишком ли высокомерно у него получилось?

– Вот как? – Пия кажется удивленной.

– Я проектирую ландшафт. Все, начиная от того, какое дерево нужно посадить в парке, до того, как выглядит площадь...

– Никогда не думала, что кто-то этим занимается.

– Ничего удивительного. Обычный человек не думает об этом. Такая это работа. Если наша работа сделана хорошо, то ее не видно.

Калле думает, понятно ли он выразился, потому что ему самому речь кажется запутанной и замысловатой.

– Звучит очень здорово. Я всегда знала, что из тебя выйдет толк.

– А ты как? – Калле хочет сменить тему. – Твои дети, должно быть, уже взрослые.

– Им двадцать и двадцать один.

Калле недоверчиво качает головой. Он видел их один раз. Когда ночевал в доме Пии на Аландских островах. Ее дети были подростками, и Калле как будто оказался в низкопробной пародии на фильм «Изгоняющий дьявола»⁵ – с хлопающими дверями, постоянным топотом и жуткими криками. Пия тогда только что развелась. И все же у нее были силы слушать о его проблемах, а он был такой молодой...

– Вы заказывали что-то особенное на борту? – спрашивает Пия.

– Я надеюсь на экскурсию сегодня вечером, – отвечает Винсент. – А на завтра Калле заказал посещение спа.

⁵ Фильм ужасов Уильяма Фридкина 1973 года выпуска.

– Здорово. – Пия оборачивается к Калле: – Но если ты действительно хочешь что-то показать Винсенту, то вам нужно после ужина сходить на капитанский мостик.

Это прозвучало так естественно, словно Пия только что об этом подумала.

Калле посмотрел на нее с благодарностью:

– Ты думаешь, это возможно?

– Конечно же возможно. Сегодня посудиною командует Берггрен, а его ты знаешь. После теракта одиннадцатого сентября в Нью-Йорке, конечно, запретили туда пускать посторонних, но я думаю, что для вас сделают исключение.

– Вот это было бы здорово, – радуется Винсент. – Надеюсь, мы там не помешаем.

– Не думаю, что сильно помешаете. Я зайду за вами сюда чуть позже.

– Спасибо огромное, – говорит Калле.

– Не за что. Кстати, Филип передает привет.

Когда Пия ушла, Калле осушил свой бокал шампанского, и Винсент снова налил обоим:

– Кажется, она хороший человек.

– Да, очень, – кивнул Калле. – Это она убедила меня уволиться и пойти в вечернюю школу.

«А я отблагодарил ее тем, что исчез с горизонта», – подумал он про себя.

– Что она имела в виду, когда сказала, что ты был «неприкаянный»? – Винсент положил на тарелку краба. – Вы много пили... или что-то другое?

– Да, думаю, что именно это. Я напивался почти каждый вечер после работы.

Пару раз Калле попался на контроле алкогольных промилле в медпункте. Медсестра Раили с сожалением сообщила, что ей придется об этом доложить. Калле вызвали на беседу с капитаном Берггреном и старшим администратором. Он получил предупреждение до следующего раза и пообещал, что это больше не повторится. Но, конечно, все равно продолжал пить.

– Но не только это, – добавляет Калле. – Это трудно объяснить.

– А ты попробуй. Я любопытный.

– Понимаешь, я думал, что работаю здесь временно. Но шли годы. Это как бы... Я зарабатывал здесь намного больше, чем мог бы в другом месте. Со всеми надбавками я получал двадцать пять тысяч в месяц. И я почти ничего не тратил, только на выпивку. Но и ее мы могли покупать недорого. Есть здесь понятие «чарка». Это порция алкоголя, которую персонал может получить почти бесплатно. И мой друг Филип постоянно угощал меня в баре.

Калле делает паузу, чтобы подумать. Как ему объяснить, как это было на самом деле?

– Это странный мир, он как пузырь. И все, что за его пределами, через какое-то время начинает казаться нереальным.

– Ты не скучаешь по людям, оставшимся здесь?

Калле задумывается. Достает мясо омара из панциря, чтобы выиграть секунду-другую. Он не припомнит, чтобы ему где-либо еще было так же весело, как на пароме. Пия и Филип были лучшими друзьями в его жизни. Но он всегда знал, что нужно двигаться дальше, пока не застрял здесь навсегда. Он только не знал, как это сделать.

И еще были вещи, которые Калле выносил с трудом. Но понял он это позже, и, только оказавшись в реальном мире, ему стало ясно, насколько он привык к этой дикости. На пароме процветала культура мачо. Финны утверждали, что все шведы геи. Шведы из всех сил пытались доказать обратное. И еще расцветал банальный расизм. Директор магазина беспощинной торговли запросто мог с многозначительным видом сказать, что *сегодня черно на сходнях*. Или продавщица парфюмерии Лилль бесстыдно жаловалась, что *африканцам трудно подобрать аромат, потому что они по-другому пахнут*. Или этот упорно тиражируемый миф, что арабы возят с собой электроплитки и готовят в каютах, потому что они слишком жадные, чтобы есть в ресторанах. И Калле ненавидел сам себя за то, что он почти не возражал, не спрашивал, кто своими глазами видел арабов с электроплитками. Но тогда он был молод. И слишком труслив.

Вместо этого Калле играл роль «веселого гея». Спешил отпустить «голубую» шутку, пока его кто-то не опередил. Становился неопасным для мачо. Влился в роль женоподобного друга-гея у девушек, которого можно попросить застегнуть сзади платье. Это оказалось просто. Слишком просто. Под конец Калле уже сам не знал, кто он на самом деле. Только Пия и Филип видели другие стороны его характера.

И его собственный цинизм рос на пароме с каждым днем. Пьянство этому способствовало не в последнюю очередь. Каждый день Калле видел людей в самом неприглядном состоянии. Но хуже всех были пассажиры, которые отправлялись в круиз, как в зоопарк, чтобы поглазеть на других. Или как на сафари. Они останавливались, показывали пальцем на собратьев и смеялись.

Если бы Калле остался, то полностью потерял бы веру в людей.

Мясо омара во рту становится поперек горла, когда он думает о том, что Пия выглядела очень естественно, изображая радость встречи. Почему он перестал звонить и писать им всем?

Потом в жизни Калле были годы обучения в вечерней школе для взрослых в Анарпе. И каждый раз, приезжая в Стокгольм, он только хотел быть с Винсентом, и больше ничего. Они быстро поняли, что не являются исключением из правила, которое гласит, что отношения на расстоянии – это очень тяжело. Потом наступили первые месяцы работы в бюро. Забыть Пию и Филипа оказалось легко, просто надо было поверить в то, что их связывала только работа. Работа и пьянство.

Калле понимает, что Винсент все еще ждет ответа на вопрос, скучает ли он по старым друзьям.

– Мы продолжали общаться в Фейсбуке, – отвечает он, жуя. – Но ты знаешь сам, это нелегко.

Его телефон пищит, и Калле тщательно вытирает руки о льняную салфетку на коленях. Смотрит на экран так, чтобы Винсент не увидел написанного.

«Он 10 баллов из 10! В каюте все готово. Увидимся. Пия».

Мадде

С ламинированной афиши у центральной лестницы на Мадде смотрит Дан Аппельгрэн. Одетый в красивый костюм в стиле мафиози, он смеется, положив руку на затылок, словно немного стесняется того, насколько он красив. И настолько же сексуален. Судя по изображению, Дан знает толк в женщинах и что с ними делать. Можно даже подумать, что он знает, чего хочет, и может это получить.

– Мама тоже по тебе скучает, – воркует Сандра по телефону. – Очень-очень.

Дан сейчас где-то на корабле. Мысль об этом заставляет Мадде трепетать. Она оглядывается через плечо и смотрит в коридор, откуда они только что вышли. Она слышала, что где-то здесь на девятой палубе есть двухэтажная каюта люкс. Наверное, там он и живет. Мадде бросает на афишу прощальный взгляд и спускается по лестнице.

– А завтра вечером в это же время я приеду к папе и заберу тебя, – продолжает Сандра.

Мадде надеялась, что Сандра завтра вечером поедет с ней. Они могли бы повеселиться на пароме по дороге из Финляндии в Стокгольм, а потом продолжить в городе. Сандра жаловалась, что бывший муж не хочет сдвинуть свои дни по уходу за ребенком, но Мадде подозревает, что она не очень-то старалась его уговорить. Все подружки стали старыми и скучными. Иногда у них нет сил выходить из дому, даже если есть возможность.

Как будто бы они уже пенсионерки. И Мадде пытается представить, как она будет жить без работы и общения со знакомыми днем.

«Не буду об этом думать», – напоминает она себе. Нельзя портить этот вечер с Сандрой, когда он еще даже не начался.

– Вы замечательно проведете вечер, – щебечет Сандра по телефону.

И Мадде уже ждет, когда она наконец замолчит.

Подруги спускаются на восьмую палубу, ко входу в ресторан «Буфет „Харизма“».

– Передавай папе большой привет. Думаю, что сегодня уже не получится позвонить, но я обещаю, что буду думать о тебе перед сном. Да, моя дорогая. Не грусти. Целую-обнимаю. Люблю тебя. Пока. Целую крепко, все будет хорошо. Целую. Пока.

– Что там у них происходит? – Мадде проходит в ресторан.

– Надеюсь, я смогла ее успокоить, – отвечает Сандра. – Ей приснился про меня кошмарный сон.

Мадде слушает вполуха. Их встречает молодой блондинистый парень с выпученными глазами, Мадде видит его в первый раз.

– Вы опоздали, – объявляет он наглым тоном, найдя их в списке бронирования. – У вас всего час пятнадцать до следующей смены гостей.

– Вот как, – хмыкает Мадде. – И что? Тебе какое до этого дело?

– Ваш столик номер двадцать пять. – Парень показывает точку на схеме. – Это справа у окна.

– Я в курсе. Мы постоянные клиенты.

– Господи, какая кислая морда, – комментирует Сандра, идя к столу.

– Правда, подумаешь! – соглашается с ней Мадде. – Не на прием же в честь нобелевских лауреатов мы опоздали, в конце концов.

Но ей плевать на парня с выпученными глазами. От длинного шведского стола потрясающе пахнет, в зале полно народу. Предвкушение бурлит в груди, как пузырьки шампанского.

Мадде берет поднос и тарелку, привычным движением кладет запеченные овощи, мясо, ветчину, яйца с креветками, слабосоленого лосося, она старается максимально эффективно использовать поверхность, будто укладывает кубики тетриса. Она не удостаивает вниманием картошку, хлеб и остальные продукты, которые только набивают живот. Подруги вместе идут

к кранам и наполняют до краев по два бокала белым. За столом они сразу чокаются. Вино холодное и сладкое на вкус. Мадде фотографирует еду на тарелке, со второй попытки выкладывает фотографию. Потом начинает есть. Все просто страшно вкусно. Как всегда.

Мадде за свою жизнь побывала, наверное, в двадцати круизах на «Харизме». В первый раз она была еще ребенком. Всей семьей они ездили в отпуск в Стокгольм, поездка включала круиз. Мадде была в восторге. Она сидела в этом же ресторане и думала, вот оно как это – быть богатым, как герои кинофильмов. В первый раз тогда девочка поняла, что есть другой мир за пределами их городка на Крайнем Севере и что она тоже может стать частью этого мира. Только нужно сделать туда шаг. То, что Мадде переехала в Стокгольм, в некотором роде заслуга «Харизмы». К счастью, Сандра переехала тоже.

Сейчас Мадде уже знает, что по-настоящему богатые люди вряд ли когда-нибудь ступят ногой на финский паром. Но это уже неважно. Она по-прежнему по-детски радуется, когда может отправиться в такую поездку. Это как вырваться из череды серых будней. На сутки прыгнуть в параллельную реальность.

Сандра сегодня очень красива. Она сделала на голове хвостики с перьями такого же розового цвета, как боа, и напоминает Мадде ту далекую Сандру, которую она встретила почти тридцать лет назад. Сандру дразнили в школе, потому что она шепелявила, а ее родители были склонны к гиперопеке. Они еще тогда решили, что Мадде оказывает дурное влияние на их дочь.

– Я снова хочу поднять бокал. – Мадде замечает, что уже невнятно произносит слова. – За нас с тобой. Таких распрекрасных.

Сандра поднимает бокал:

– За нас, богинь! – И осушает его до дна.

Мадде следует ее примеру.

– Ты все так же моя лучшая подруга, ты это знаешь? – улыбается она.

– Конечно знаю, – прыскает со смеху Сандра. – Кто еще бы смог меня терпеть?

– Сучка! – Мадде делает глоток из второго стакана.

Сандра снова хихикает. Один из ее передних зубов вырос чуть криво и слегка прикрывает соседний. Мадде обожает этот ее зуб. Видимо, она уже пьяна, раз ее потянуло на сентиментальность.

– А что касается работы, не волнуйся, все образуется. Ты же знаешь. – Мадде снова делает глоток. – Мы обязательно пойдем потом в караоке.

– Конечно, – соглашается Сандра. – Я запишусь в фанатки Дана.

– Не, на него уже я глаз положила. Ты можешь облизывать своих четверых италяшек.

– Да, неплохо бы сейчас пиццу «четыре сезона».

– Надеюсь, ты не выберешь с грибами.

Сандра хохочет так, как может только она. Откидывая голову назад. Грудь в глубоком декольте ходит ходуном. Из открытого рта выглядывает язык. Она смеется так заразительно, что просто невозможно не смеяться следом.

Как-то незаметно второй бокал вина тоже кончается. Но в кране его сколько угодно. Еще целый час они могут есть и пить сколько влезет. Мадде на самом деле уже сыта, но столько всего еще нужно попробовать. Она отставляет тарелку в сторону. Встает, чтобы снова пойти за едой. Тарелки – как полотенца. Всегда можно взять новую. И кто-то обязательно уберет эту.

Альбин

Папа рассказывает об Ирме. Это социальный работник, который помогает ухаживать за мамой, когда он на работе. Она все время сидит за столом на кухне, курит и говорит о своей собаке или своей личной жизни, вместо того чтобы работать. Обычно ее истории папу злят, но сегодня он в хорошем настроении. Поэтому они превратились в анекдоты. Мама и тетя Линда весело смеются.

В такие моменты папа прекрасен. Он отлично пародирует Ирму и рассказывает так живо, что сцены стоят перед глазами. Он то и дело подходит к крану и подливает себе красного вина. Бокалы Мамы и Линды стоят почти нетронутыми.

Почему папа продолжает пить? Он же знает, чем это кончится.

И почему Линда и мама никогда не попросят отца остановиться, а вместо этого сначала подбадривают его своим смехом, а потом унижают упреками, бросая друг на друга красноречивые взгляды, когда уже поздно?

– Она напоминает нашу соседку... помнишь, она жила рядом, когда мы были маленькими, – говорит Линда. – Ее звали Йонссон или, что ли, Юханссон.

– Кого? – удивляется папа.

– Ты же помнишь. Ее сын учился со мной в одном классе. Он всегда был одет в одну и ту же одежду. Кажется, он занимался хоккеем с мячом.

– Я не помню твоих одноклассников, я своих-то почти не помню.

– Я знаю. Я просто вспомнила эту соседку. Нам она казалась старой теткой, а мы сейчас сами в этом возрасте.

Линда пытается посмеяться, но папа смотрит с раздражением. Альбину жалко Линду.

– Ее собака однажды поранила челюсть. И она все лето возила ее в детской коляске.

– Ах да, – оживает папа. – Вот это я помню. Тебе следовало с этого начинать, если ты хотела, чтобы я ее вспомнил.

Линда совсем растерялась.

– И что еще с ней было интересного? – спрашивает папа.

– Только это, – отвечает Линда. – То, что она гуляла с собакой, как с ребенком. Эта Ирма тоже вполне могла так сделать.

Папа делает большой глоток вина. Его лицо невозмутимо.

– Боже мой, – удивляется мама. – Люди просто с ума сходят по своим домашним питомцам. Но это и понятно. Они тоже члены семьи.

Она слегка откашливается и кладет в рот кусок шоколадного торта. Альбин тоже начинает есть свой кусок, макая его во взбитые сливки. Торт вкусный, он просто тает во рту.

– Какое счастье! – Лу трясет свой телефон. – До чего же мне нравится здесь связь! Замечательно берет!

Пара за соседним столиком поворачивается и смотрит на нее.

– Убери это, – шипит Линда. – Можно вообще-то и побыть немного с нами.

Лу смотрит на Линду, прищурившись. Но телефон все же убирает:

– У меня в любом случае нет альтернативы.

Линда вздыхает и снова поворачивается к маме с папой:

– Иногда мне кажется, что телефон к руке Лу приклеен. У нее настоящая зависимость от соцсетей.

– Мы вот Альбину запретили подобное общение. До пятнадцати лет.

– Я частенько сама не лучше, – вздыхает Линда. – Но все же... Такое впечатление, что, чем больше у нас средств для общения, тем меньше мы общаемся на самом деле.

– Мама, я так горжусь, когда ты высказываешь оригинальные мысли. Правда!

Глаза Лу закатились при этом так далеко, что Альбину на секунду кажется, что они уже не смогут вернуться на место.

– Но это действительно так. Ты целыми днями сидишь, уставившись в экран. Ты там зависаешь.

– *Зависаю?* – Лу беззвучно смеется.

– Да! Тебя ничто другое не интересует. Так мне кажется.

– Извини, что я не законспектировала ничего из твоих потрясающе интересных рассказов.

– Лу! Теперь уже точно хватит! – Линда почти кричит. – Мне уже до смерти надоело твое отношение ко всему! Я отберу у тебя телефон, если ты его сейчас же не уберешь!

– Я уже убрала, – вяло возражает Лу.

Пара за соседним столиком с интересом наблюдает за сценой, для них это развлечение.

– Однако до чего же вкусный шоколадный торт, – говорит мама и обращается к Альбину, как будто просит о помощи: – Помнишь то лето, когда вы с Лу постоянно пекли такой же?

Альбин кивает. Им было по восемь лет. Они лежали на диване перед телевизором или компьютером, смотрели фильмы и ели торт, пока шоколад не начинал лезть из ушей.

Мама тогда еще могла ходить. У нее были длинные волосы, и она каждый вечер перед сном долго расчесывала их щеткой. Папины волосы тогда были светлыми, а не седыми, и бабушка была жива, хоть Альбин о ней и не думал, потому что ни разу ее не видел. Папа начал говорить о ней, если выпьет, только после ее смерти.

– Вы были удивительно прожорливы, – напомнила Линда. – Могли вдвоем слопать целый торт. И пили страшно много молока!

– Пейте, дети, молоко – будете здоровы. Кстати, оно тоже относится к *биологическим жидкостям*.

Произнося это, Лу смотрит прямо Альбину в глаза, и в первый раз он узнает в ней ее прежнюю.

Он фыркает от смеха. Берет на вилку немного взбитых сливок. Пробует. Лу тоже смеется.

– Из огромного грязного вымени, – продолжает Лу.

– Очень вкусно, – подтверждает Альбин.

Мама выглядит огорченной.

Если бы рядом не было взрослых, Альбин напомнил бы Лу, что она тоже когда-то сосала молоко из груди матери. Он громко смеется, в то время как его спина содрогается от отвращения.

– Или яйца, – продолжает Лу, кивая на тарелку Линды. – Это как месячные, только из соседнего отверстия.

– Прекрати, – не выдерживает папа.

– Хорошо.

Интересно, Лу в курсе, что у кровати мамы всегда стоит ночной горшок? Она встает над ним ночью, когда не успевает добраться до туалета.

Иногда Альбин тоже сопровождает ее в туалет. Ее туалетное кресло само ее подмывает, поэтому ему не приходится ничего делать *там внизу*, но маме нужно на кого-то опереться, чтобы сделать несколько шагов до инвалидной коляски.

В нескольких метрах от них опять смеются те девицы из терминала, и Лу злобно смотрит в их сторону.

– Какая красота, когда тетка среднего возраста делает хвостики, – комментирует она. – Даже жаль, что она выглядит как самый жирный в мире пятилетний ребенок.

Альбин снова прыскает, но взрослые делают вид, что не слышат.

– Но она, наверное, так и хотела, – продолжает Лу. – Видимо, это главная цель ее жизни. Тогда ее даже не жалко: ей удалось *добиться своей цели*... Хотя у нее очень красивый смех. – Она ухмыляется. – Я наелась. Можно мы с Альбином погуляем по кораблю и его осмотрим?

Папа только успел открыть рот для возражений, когда Лу уже отодвинула стул.

– Пожалуйста, – просит Альбин. – Мы так давно с ней не виделись.

– Не уверен, что это хорошая идея, – говорит папа таким тоном, который означает, что он как раз знает точно.

– Я не против, если вы не возражаете, – говорит Линда, подмигивая Лу. – Может быть, так будет лучше для всех.

Папа смотрит на маму с надеждой, но его голос уже утонул в потоке возражений. Альбин с трудом сдерживается, чтобы не начать прыгать на стуле от нетерпения.

– Идите, но вернуться вы должны не позднее одиннадцати, – говорит Линда, и Лу опять ухмыляется. – Я не хочу, чтобы вы бегали тут среди множества пьяных.

– Кто-то из нас заглянет к вам в каюты и проверит, на месте вы или нет. Ровно в одиннадцать, – предупреждает папа.

– Мы будем на месте, – обещает Альбин.

– Не разговаривайте с незнакомыми людьми, – добавляет папа.

– Но, папа, мы все это знаем.

– А если мы вам понадобится, а телефоны не работают, попросите о помощи кого-то из персонала. Или подойдите к стойке информации и попросите дать объявление, – продолжает поучать папа. – И не свешивайтесь на бортиках над водой, если выйдете на палубу...

– Хватит, Мортен, не волнуйся, – смеется мама. – Мы же не на войну детей отправляем, они просто немного развлекутся без взрослых.

– Между прочим, с этих паромов периодически исчезают люди.

– Я знаю. – Лу смотрит серьезно. – Мама моей подруги работала на пароме. Но те, что исчезают, обычно настолько пьяны, что не понимают, что делают, или они прыгают в воду и тонут. А мы вряд ли будем напиваться, да и на бабушку мы не похожи.

Альбин скорее чувствует, чем видит, как папа застыл на месте.

– Лу! – упрекает дочь Линда.

– Простите. – Лу не спускает взгляда с папы. – Я просто хотела сказать, что для нас нет никакой опасности. Мы будем осторожны. Мы сходим в магазин за конфетами, а потом просто будем смотреть кино в каюте. Правда, Альбин?

Он старательно кивает.

– Не волнуйся, Мортен. В это нелегко поверить, но Лу может быть взрослой, когда нужно.

– В одиннадцать часов, – повторяет папа. – Ровно.

Альбин и Лу встают из-за стола.

– Я тоже уже наелась, – говорит Линда. – Что скажете? Давайте погуляем и посмотрим паром.

Мама берет салфетку, которая лежит у нее на коленях, и кладет на тарелку. Папа встает, немного покачиваясь. Просит семейство за соседним столом чуть подвинуться, чтобы мама могла проехать. Маленькая светловолосая девочка смотрит на маму с любопытством:

– Ты что, ребенок?

– А что? Похожа? – Мама смеется.

– Нет, но ты в коляске.

Родители девочки готовы провалиться сквозь землю от смущения.

– Стелла, не надо приставать к людям, – говорит отец девочки, и Альбин узнает его голос, он слышал его в терминале.

– Но это очень странный ребенок. – Стелла явно удивлена тем, что ее папа сам этого не видит.

Мама снова смеется. И это совершенно искренне.

– Какие же они славные в этом возрасте. Представь, что было бы, если бы они такими оставались, – говорит Линда.

– Это камень в мой огород? – спрашивает Лу, но, когда Линда смущается, только посмеивается.

– Стелла, прекрати глазеть, – говорит ее папа.

– Ничего страшного, – улыбается мама, совершая сложный маневр. – Конечно же ей интересно.

Она улыбается Стелле и ее родителям, чтобы те поняли, что все в порядке, а сама при этом сражается с рычагом управления. На секунду сердце Альбина готово разорваться от нежности к маме. Он ее очень любит. Иногда он об этом забывает, но именно сейчас любовь так сильно и неожиданно захлестнула мальчика, что он чуть не плачет.

– Пойдем, – торопит его Лу.

Калле

Калле и Винсент как раз встают из-за стола, когда в ресторан «Посейдон» вваливается группа мужчин в плохо сидящих костюмах. Он за километр узнает участников конференции с беджиками на лацканах. Один из мужчин снимает галстук и хлещет им по заду единственную женщину в группе. Он, без сомнения, самый пьяный, хотя остальные тоже хороши. Женщина отбирает галстук и что-то злобно шипит по-фински. Мужчина только хохочет в ответ. Остальные тоже смеются. Видимо, это их начальник.

Винсент пытается взять Калле за руку, но тот притворяется, что не видит этого, он ищет глазами Пию. Разве это не странно? Он собирается сделать Винсенту предложение, а сам даже не хочет взять его за руку. Не хочет рисковать и толкнуть кого-нибудь на грубость. Он знает, как молниеносно на «Харизме» может завязаться драка.

Калле и Винсент выходят в длинную галерею, которая тянется во всю длину судна. В другом ее конце находится бар «Старлайт». Филип, скорее всего, сейчас стоит за стойкой. Калле смотрит на стенд с фотографиями пассажиров в момент их восхождения на борт. Удивительно, что фотографии еще продаются, ведь у каждого в мобильном телефоне сейчас есть камера. Кто их покупает?

В воздухе висит атмосфера ожидания. Слышны громкий смех и пьяные голоса. Многие долго ждали этой поездки. Вкусно поесть, выпить, потанцевать на просторах Балтийского моря... Калле вдруг охватывает желание защититься от посторонних глаз.

Для многих из его коллег в офисе такой круиз, наверное, стал бы настоящей экзотикой. Разве не на этом он делал акцент, когда его просили рассказать о работе на «Харизме»? Он рисовал картины происходивших на пароме «битв» так много раз, что некоторые истории стали классикой. Однажды какая-то женщина урвала половину лосося на шведском столе и спрятала в сумку. Молодой парень с брутальными татуировками устроил истерику оттого, что на борту не оказалось «Макдональдса». Пожилая, загорелая до черноты женщина удовлетворила у себя в каюте целую компанию молодых людей, и они потом по одному, счастливые, высказывали на танцпол в одних трусах, подняв вверх указательный и средний пальцы в знак победы. Парень, который пытался залезть в дымовую трубу. Девица с татуировкой «жестче» на поясице. Женщина, которая отправлялась в круиз три раза в неделю круглый год и в разговорах утверждала, что хотела бы остаться на «Харизме» навсегда. Любители заняться сексом в коридорах, на верхней палубе, на танцполе и в бассейне с пластмассовыми мячиками, в детской комнате, не думающие о том, что везде установлены камеры наблюдения.

Калле старался наблюдать эту жизнь со стороны, как будто проводил собственное антропологическое исследование.

– Вон она. – Винсент показывает в сторону лестницы.

Пия тоже их увидела. Она что-то говорит своему коллеге, Калле его почти не помнит. Он маленького роста, красивый, но без изюминки. Кажется добрым и застенчивым. Единственное, что Калле знает о нем, это то, что медсестра Раили – его жена. Он приветливо машет Калле рукой и исчезает на лестнице.

Пия останавливается в проходе и конфискует синюю алюминиевую банку джин-тоника у двух девиц с короткими лохматыми стрижками.

– Вам придется пройти в один из баров, если вы хотите выпить, – говорит она.

– Да ладно тебе, – громко протестует одна из девиц.

Она кладет руки на пояс и смотрит на Пию. На ее толстовке стразами написано: «SEXY BITCH»⁶.

⁶ Сексуальная сучка (англ.).

- К сожалению, таковы правила.
- Ну и плевать на них, тебе-то что?
- Мне жаль, девушки. Я делаю свою работу.
- Фашисты тоже так говорили.

Голос девицы становится выше на октаву. Проходящие мимо люди смотрят с любопытством.

- Долбаная фашистская подстилка, – визжит ее подруга.

Пия усмехается:

- Спасибо. Так меня еще не называли. Во всяком случае, в этом круизе.
- Можно получить обратно напиток, чтобы я могла его выпить в каюте?

Пия отрицательно качает головой.

– Тогда это, в принципе, воровство. Мы сейчас напишем жалобу. Ты наверняка сейчас сама его выпьешь.

– Жалобу можно оставить на стойке информации у выхода из магазина. Сотрудники службы непременно помогут ее составить. Мне пора. Считаю, что вам нужно немного остыть с помощью пары стаканов воды. Вечер только-только начался.

– Черт возьми, как достало это общество нянек, – возмутилась девица, увлекая за собой подругу.

- Еще один обычный рабочий день? – интересуется Калле.

– Готова поспорить, ты особо не скучал по «Харизме», наблюдая эту сцену. – Пия подмигнула ему. – Пойдем?

Внутри Калле поднимается еще одна волна беспокойства. Скоро настанет решающий момент. Маленькая коробочка в кармане пиджака вдруг кажется тяжелой, как свинец.

Но Винсент согласится. Конечно же согласится. Они не раз говорили о том, что однажды поженятся.

- Ну и идиоты, – комментирует происходящее Винсент.

- Нужно стараться не забывать, что на самом деле большинство из них прекрасные люди.

Пия первая идет к лифту.

- А те, что не очень прекрасные? Что с ними делать?

– Чаще всего оказывается достаточно с ними поговорить, и они успокаиваются. – Пия нажимает кнопку вызова лифта. – Если они совсем пьяны, мы отправляем их в специальные «камеры-вытрезвители». А если дело совсем плохо, то высаживаем на сушу при первой же возможности и передаем в полицию.

Двери лифта звякают и открываются. Оттуда выходит высокая статная женщина. Он видит форму Пии и ухмыляется:

– Мальчики, что же вы такое натворили? – Улыбка женщины обращена к Винсенту. Флиртует! Явно заявляет о себе выпитый виски.

- Лучше не знать, – весело отвечает Пия, входя в лифт.

– Я могу помочь, если понадобится надеть на них наручники, – кричит женщина им вслед. Винсент смеется и спрашивает Пию:

- Тебе не бывает страшно?

– Бывает. Но нас четверо охранников на борту. И мы редко ходим поодиночке. Я буду вместе с коллегой, как только отведу вас на мостик.

- А оружие у вас есть?

Лифт приезжает на десятую палубу. Калле чувствует, как пот под мышками просочился до пиджака. Он смотрит на Винсента и Пию и не верит, что два его мира соприкоснулись.

– Только дубинки, – отвечает Пия. – Нам не нужны пневматические пистолеты. Их наличие обязательно привело бы к трагедии.

Она первая выходит из лифта. Здесь тихо и спокойно. Вниз ведут только лестницы. Стекло-
лянные двери конференц-залов делают их похожими на террариумы. Вот и дверь на прогу-
лочную палубу. А потом стена, отделанная деревянными панелями. Пия вставляет карточку
в электронный замок. Набирает код. Раздаются четыре пронзительных сигнала, и она толкает
незаметную дверь.

Сердце Калле отчаянно бьется. Он едва понимает, что происходит. Он так долго это
планировал, так часто представлял во всех деталях, что теперь ему кажется: вот он, приступ
дежавю. Они входят. Капитан Берггрен уже ждет.

Томас

– Что тебе нужно? – спрашивает Оса. – Ты сам хоть знаешь, зачем звонишь?

Томас ловит себя на том, что шурится, как будто это может помочь улучшить телефонную связь. Оса дома в Норчёпинге, но так же точно она могла бы находиться в любой другой точке земного шара.

Томас опускает телефон и смотрит на экран. На индикаторе приема всего одна палочка.

– Я просто хотел узнать, как ты там.

Перед ним открываются двери, он входит в лифт. Нажимает на нужную кнопку. Со всех сторон он видит свое отражение в дымчатом стекле, которым отделаны стены, оно бесконечно повторяется, как в калейдоскопе. Рыжие волосы Томаса намокли и торчат в разные стороны.

Почему Оса не отвечает?

– Я скучаю по тебе, как ты не понимаешь? – говорит он и ненавидит сам себя за то, что говорит невнятно. – Все спрашивают про тебя. Представь, каково это – быть на мальчишнике Стефана и не рассказать, что мы разводимся.

Двери лифта открываются, и Томас выходит на пятую палубу. Стоит некоторое время в недоумении. Где его каюта? Где все указатели?

Оса хрипло смеется:

– Так похоже на тебя – притворяться, будто тебе интересно, как я, когда на самом деле ты звонишь, чтобы рассказать о том, как чувствуешь себя ты.

Томас крепче сжимает телефон. Ее голос такой холодный, страшно холодный. Она могла бы заморозить своим дыханием все Балтийское море.

Не надо было звонить. Опять большая ошибка. Но он и это знал заранее. Просто, когда так плохо, уже на все наплевать.

– Прости, что я страдаю от всего этого.

Навстречу ему идут по лестнице две женщины и улыбаются.

– Прости, что я не бесчувственный, – говорит Томас уже и Осе, и им.

Он заходит в коридор. Он просто хочет взять в каюте пачку сигарет. Надо было сначала закурить, а потом уже звонить: ему лучше думается, когда он курит. Но в то же время нежелательно, чтобы Оса слышала, как он затягивается. Томасу по-прежнему не все равно, что она о нем думает, хоть она уже не имеет морального права судить о его поступках. Блок сигарет в магазине беспощинной торговли стоил недорого, а у него в конце концов есть очень серьезная причина, чтобы снова начать курить.

Если бы все было как обычно, он рассказал бы сейчас, что они напоили Стефана еще в автобусе из Норчёпинга и что Пео и Лассе волочатся за каждой юбкой. Он хочет услышать смех жены. Настоящий, искренний смех. Он хочет, чтобы Оса знала, что он ни за кем не волочит, что никто не может сравниться с ней.

– Скажи что-нибудь, – просит он. – Пожалуйста. Ты не представляешь, как я скучаю по тебе.

– Представляю.

– А ты совсем не думаешь обо мне?

Когда Томас слышит, как трагично звучит его собственный голос, ему самому становится противно. Он достает из кармана пиджака припрятанную бутылку пива. Выпивает большой глоток отвратительно теплого напитка. Смотрит по сторонам. Где он вообще и где, черт возьми, каюта номер 5314?

5134, 5136, 5138... Похоже, что он вообще не в том коридоре. Как тут в принципе можно ориентироваться, когда все вокруг совершенно одинаковое: одно и то же ковровое покрытие на полу, одинаковые двери с маленькими номерными табличками?

Он как крыса в лабиринте, глупая и вдобавок пьяная, ему уже не найти дорогу назад.

– Да, скучаю. Но это уже не имеет значения.

Томас резко останавливается. Внутри зашевелилась осторожная надежда. Оса скучает по нему. Если он сейчас найдет правильные слова, то, может быть, все еще можно будет исправить.

– Послушай... Раз мы оба скучаем, значит именно это важно...

– Нет, – отрезала Оса. – Слишком поздно.

Снова в ее голосе ледящий душу холод.

– Черт бы тебя побрал! – не выдерживает Томас. – Черт, черт, черт, до чего же ты мерзкая сука!

Он чувствует облегчение, но тут же жалеет о сказанном.

– Я тебе не изменяла.

Томас снова злится. Наверное, очень здорово чувствовать моральное превосходство и бросать это обвинение ему в лицо при каждом удобном случае.

– Может, я и не изменял бы, если бы ты не была такой сукой, – слышит он свой голос будто со стороны.

На этот раз раскаяние еще сильнее и приходит незамедлительно. Томас оборачивается и идет по коридору назад. Пытается услышать голос Осы, но ответа нет. Томас смотрит на экран телефона. По-прежнему на индикаторе приема одна палочка. Его раздражает то, как быстро на экране бегут секунды. Разговор длится уже три минуты и двадцать семь секунд. Томас останавливается у небольшого коридора, ответвляющегося вправо. Должно быть, он проходил здесь только что, но этот коридор не заметил.

– Ты там, Оса? Ты меня слышишь?

– Еще нет даже десяти вечера, сколько ты уже выпил?

Жена еще что-то говорит, но слова невозможно разобрать. Из-за этого Томас снова злится, как будто это ее вина:

– Неважно. Это уже не твое дело. С тех пор, как ты меня бросила.

– Я и хотела бы не думать об этом. Но почему-то ты звонишь... Сколько раз я тебя просила...

Разговор прерывается, и Томасу кажется, что Оса повесила трубку. Но, посмотрев на экран, он видит, что связи нет совсем. Он громко ругается. Делает большой глоток теплого пива. Поворачивает направо и заходит в еще один маленький коридор, смотрит на номера кают. 5139... 5137... Вдруг номера перескакивают: 5327... 5329... Впереди коридор снова раздваивается. Но теперь номера стали на что-то похожи.

Томас идет влево. Этот коридор точно такой же, как тот, с которого он начал свой путь. Длинный и узкий, с низким потолком. На секунду Томас замечает, что перспектива полностью исказилась, словно он смотрит в глубокий квадратный колодец и вот-вот в него упадет. В животе у Томаса все переворачивается. Он прислоняется к стене и ждет, пока пройдет приступ головокружения и коридор снова станет коридором.

Томас смотрит на телефон и видит, что он опять в зоне приема. Он набирает последний номер. Сигналов звонка не слышно, но секундомер на экране вдруг начинает отсчитывать время разговора.

– Алло... Ты меня слышишь?

Тишина. Телефон совершенно мертвый, но секундомер работает. Из одной каюты выходят две девушки. Томас догадывается, что они ассирийки. Такие красивые, что нельзя оторвать глаз. Они же его совсем не замечают.

– Алло, – кричит он в телефон. – Ты слышишь меня? Я тебя не слышу, но если ты вдруг слышишь меня, то...

И тут его вдруг осеняет, что он свободен. Один. И он знает Осу: если она что-то решила, то это окончательно и бесповоротно.

– Пожалуйста, – ноет он. – Пожалуйста. Мне страшно жаль, что все так получилось. Прости.

Томас снова оказывается у лестницы, которая привела его в эти коридоры. Читает номера на табличках: 5318... 5316... и наконец-то видит каюту, в которой они разместились с Пео.

– Мне так одиноко, – продолжает он. – Я не хочу быть таким несчастным, не хочу так ужасно себя чувствовать.

Томас достает из кармана джинсов карточку-ключ. Бросает взгляд на экран телефона. Разговор прерван. Телефон не в сети. Он убирает его в карман. Вставляет в замок карточку в ту же секунду, как открывается другая дверь в конце коридора.

– Помогите, – зовет тоненький голосок.

Ребенок. Томас смотрит вокруг, но никого в коридоре не видит.

– Мне нужна помощь, – пищит голосок. – Помогите мне, пожалуйста.

Голос мелодичный и кристально чистый. Удивительно старомодный, как у героя диснеевского мультфильма из детства или из фильмов по книгам Астрид Линдгрэн.

Томас вынимает карточку из замка, замок пищит, сообщая, что дверь открыта. Он сомневается. Кладет руку на ручку. Ему нужно всего лишь взять сигареты и вернуться к друзьям, чтобы напиться до беспамьяства и забыть все невзгоды.

– Мне страшно, – говорит ребенок.

Томас вздыхает, отпускает ручку и идет дальше по коридору.

Калле

– Ну, ничего ж себе! – Винсент в восторге от капитанского мостика.

И Калле вынужден согласиться. Он сам был здесь всего несколько раз, и каждый раз у него тоже захватывало дух.

Из их каюты люкс вид примерно такой же, но отсюда, с места, где происходит управление «Харизмой», это совсем другое дело. В полутьме светится множество экранов. Электронные карты. Радар зеленого цвета. Тьма различных кнопок и рулей.

За большим панорамным окном сияет полумесяц ярко-белого цвета. По воде стелется сверкающая лунная дорожка. Это так красиво. Просто совершенство!

– А вот и я с важными гостями, – улыбается Пия.

Капитан Беггрена встает. Обычно его нет в рубке, но Винсент этого не знает.

– Привет, Калле. Давненько ты не заглядывал.

В глазах Берггрена бегают озорные искорки. Он явно ждал гостей и приготовил речь. Старший штурман смотрит на них с любопытством.

– Да, и даже не позавчера. – И Калле, протягивая руку, извиняется за то, что она влажная.

Берггрена в своей форме кажется очень широкоплечим. Его рукопожатие именно такое теплое и крепкое, как можно ожидать от капитана. Но он постарел. Подбородок расплылся, между лицом и широкой шеей остался лишь небольшой изгиб. Они не очень хорошо знакомы. Наверное, самый длинный их разговор состоялся, когда Калле во второй раз попался на алкогольном тесте. Берггрена любят и уважают все члены экипажа, потому что он всегда без малейших сомнений принимал сторону команды в конфликтах с паромной компанией.

– Это просто потрясающе. – Винсент пожимает руки капитану и старшему штурману. – Спасибо за возможность здесь побывать.

Он задает множество вопросов, и Берггрена охотно отвечает. Калле слышит каждое слово, но не слушает, он бы и не понял, наверное, ничего, если бы даже попытался. Он крепко сжимает в кармане заветную коробочку.

Пия, улыбаясь, наводит на Калле камеру мобильного телефона. Потом еле заметно кивает.

Калле достает коробочку, но подкладка кармана тоже вывалилась из пиджака, как болтающийся язык, и он начинает неуклюже запихивать ее обратно.

– Я рад, что ты взял меня сюда. – Винсент стоит к Калле спиной.

– И я рад, что ты здесь со мной. И я очень рад, что ты есть, Винсент. Ты это знаешь?

Пора. Калле еще крепче сжимает коробочку и встает на колени. Слышит щелчок камеры Пии. Винсент оборачивается.

Томас

Томас стоит в освещенном коридоре и заглядывает в сумрак открытой каюты. Оттуда доносится странный запах. Ментола, сирени и чего-то затхлого, гнилого.

Мимо проходит компания молодых людей.

– Что случилось? – В голосе Томаса звучит сомнение.

Он делает шаг вперед.

– Мне страшно, – отвечает малыш и всхлипывает. – Я болею, мама вышла, чтобы принести мне поесть, но ее очень долго нет.

Голос снова напомнил Томасу героев старых мультфильмов.

Он закрывает за собой дверь и оказывается в полной темноте. Запахи усиливаются. Видимо, что-то не в порядке с вентиляцией. Рядом с ним дверь в туалет, она слегка приоткрыта. Но запах идет не оттуда, это Томас понял, пройдя мимо двери.

Горит одна из настенных ламп над кроватью. Свет направлен вниз. Его ореол на стене почти достигает потолка. Ребенок лежит на дальнем конце кровати спиной к Томасу. На тумбочке у другого края кровати валяется детский рюкзак. Улыбающийся Винни-Пух лезет лапой в банку меда. Под столиком лежит черный чемодан на колесах, рядом с ним стоит пара сапог на высоких каблуках.

Было бы даже лучше, если бы эта лампа совсем не горела. Направление света заставляет все тени тянуться вниз, и это внушает тоску. Как будто гравитация в этом помещении так сильна, что даже тени имеют вес. Томас чувствует страх. Его мошонка сжимается.

– Ничего, если я включу свет? – спрашивает он.

– Не надо, – торопливо отвечает ребенок. – Я болею, и свет мне режет глаза.

Томас опускает руку. Невольно делает еще один шаг вперед. Он вздрагивает, когда его боковое зрение фиксирует какое-то движение. В ту же секунду Томас понимает, что это его собственное отражение в зеркале над письменным столом. Он думает, как же он смешон, но страх пульсирует в его теле и проникает в каждую клетку. Странный запах усиливается, когда он подходит к дальнему краю кровати.

– Как тебя зовут? – Томас слышит, как нервно звучит его голос.

Ребенок не отвечает. Кажется, это мальчик. Прямые светлые волосы закрывают лицо. Томас видит, что на мальчишке нет даже футболки. Узкие угловатые плечи выглядывают из-под одеяла. Что за чертова мать могла оставить ребенка одного? К тому же еще и больного! И он даже не знает о том, что нельзя пускать в каюту посторонних? Томаса пробирает дрожь, когда он представляет, что здесь могло произойти.

– Хочешь, я попрошу вызвать твою маму по громкой связи? – Томас старается, чтобы язык его слушался на этот раз.

– Нет, она тогда рассердится, – хнычет малыш. – Просто останься со мной, пока она не придет.

Томас косится на сапоги на высоких каблуках под столом. Ему совершенно не хочется видеть их обладательницу. Наверняка она чокнутая. Подумает еще: что делает этот парень в каюте с моим ребенком?

Но как оставить малыша одного, когда он боится? Запах проникает Томасу в придаточные пазухи носа.

– Как тебя зовут? – снова спрашивает он.

– Не скажу. Если ты пойдешь давать объявление по громкой связи, мама рассердится. Она всегда сердится.

Томас дотрагивается до худенького плечика ребенка.

Его кожа холодная. И напоминает на ощупь резину. Вдруг он заразный? Томас подавляет желание отдернуть руку.

– Я все же думаю, что так будет лучше. Я уверен, что мама не будет сердиться. А я посижу с тобой пока...

– Ты не можешь уйти.

Кожа ребенка продавилась под пальцами Томаса, на ней остались вмятины. Как будто мышцы существуют отдельно от кожи и костей.

У Томаса зашевелились волосы на голове. На столе стоит местный телефон. Он может позвонить на стойку информации. Но он чувствует непреодолимое желание уйти отсюда.

– Я скоро вернусь, – обещает он. – Не открывай никому дверь, кроме меня или мамы.

Томас встает с кровати с облегчением оттого, что больше не нужно прикасаться к коже малыша. Ему хочется вымыть руки.

В зеркале он видит, что мальчик сел на кровати за его спиной. Единственная лампа освещает волосы ребенка сзади. Вокруг его головы будто светится нимб.

Что-то с ним не так. Что-то очень сильно не так.

– Жди здесь, – говорит Томас.

Он уже почти у самой двери, когда чувствует, что сзади за пиджак его тянет маленькая ручонка.

– Останься. Ты нужен мне.

– Я вернусь, – обещает Томас, понимая, что лжет.

Возвращаться он не собирается.

Мальчик отпускает пиджак, и в комнате воцаряется тишина.

Под ложечкой сосет от плохих предчувствий, кожа Томаса как будто сжалась на теле.

Он протягивает руку к замку.

И вдруг чувствует, что его шею обхватывают руки, а в спину между лопатками упрутся колени. Мальчишка прыгнул ему на спину и повис, как обезьяна.

Маленькие ручки сжимают шею Томаса и давят на адамово яблоко. Он начинает задыхаться. Томас пытается разжать руки ребенка и освободиться от этой мертвой хватки. Кончики его пальцев погружаются в плоть мальчика, кожа его как будто отслаивается, и Томас чувствует скелет ребенка.

Мальчишка обхватывает талию Томаса ногами.

– Отпусти меня, – хрипит тот из последних сил.

В глазах становится темно. В ушах стучит. Томас наклоняется вперед и пытается сбросить мальчишку, освободить шею от мерзких рученок. Но ему это никак не удается. Видимо, этот ребенок сумасшедший, иначе откуда у него такая сила? Шее больно, больно, больно... Голова вот-вот готова лопнуть, и что это за звук звякающих ножниц или стригущего секатора, черт бы его побрал?..

Томас изо всех сил прижимается спиной к стене. Хватка мальчишки слегка слабеет, когда он оказывается между стеной и телом Томаса. Тот наконец отрывает от себя руки и ноги ребенка и слышит, как маленькое тельце шлепается на пол.

Шея страшно болит. Томас пытается дышать, но это причиняет невыносимые страдания. Он заставляет себя дышать. Темнота в глазах начинает рассеиваться.

Несколько быстрых шажков, и ребенок уже стоит между Томасом и дверью в коридор. Закрывает выход своим худым тельцем; он такой бледный, что будто светится в сумраке каюты.

Томас протягивает руку к выключателю, и помещение внезапно озаряет яркий свет. Мальчик вскрикивает и закрывает глаза ладонями.

Из груди Томаса невольно вырывается слабый стон.

Мальчику на вид лет пять. Но грудная клетка впалая, как у старика. Кожа висит, словно одежда, которая на два размера больше, чем тело. А лицо... Скулы торчат, кожа серого цвета.

Когда мальчик щурится на яркий свет, на щеках появляются какие-то странные, неестественные углубления.

Это такая болезнь, когда дети стареют раньше времени... как она там называется?.. Видимо, она поражает мозг...

– Ты отсюда не выйдешь. – Мальчик убирает ладонь от лица.

Его огромные глаза часто моргают, реагируя на яркий свет. Мальчик, вернее, *существо* выглядит таким маленьким, таким тщедушным и слабым, и все же Томас боится его.

Он смотрит на дверь туалета справа от себя. Прикидывает, как ему поступить. Из туалета никуда не убежать. Но он мог бы там закрыться. Рано или поздно телефон окажется в зоне действия сети. Он может, наконец, стучать в стены. Кто-нибудь будет проходить по коридору и услышит. Может быть, вернется мать ребенка.

Что такое могло с ней случиться?

Томас вдруг представляет, что хозяйка сапог тоже в каюте и все это время наблюдала за ролью мальчика в своей игре.

Томас протягивает руку и толкает дверь в туалет. Свет падает на коврик персикового цвета, такой же точно, как в каюте у них с Пео, и на такую же белую занавеску душа. Она задернута наполовину, но Томас видит, что за ней пусто.

Он бросается к двери туалета, но мальчишка его опередил. Опять его руки на шее, ноги обвивают талию. На этот раз ребенок не сзади. Страшное лицо прямо перед глазами. Мерзостный кислый запах исходит изо рта мальчишки. Томас делает шаг назад в глубь комнаты, спотыкается, падает на спину. Его голова оказалась в миллиметре от края кровати. Мальчик сидит верхом на его животе. Прижимает к полу руки Томаса. Наклоняется.

Из бутылки в кармане выливается пиво. Под мышкой становится тепло и мокро. Томас же это едва замечает. Нейронные связи мозга замыкаются, передают информацию о том, что он видит. Каждая мельчайшая деталь предстает кристально ясной, словно время остановилось.

Глаза мальчика горят синим огнем, но обвисшая кожа вокруг безжизненна. Он открывает рот и растягивает сухие потрескавшиеся губы. Показывает желтые зубы и синего цвета десны с темными пятнами.

Что с ним вообще такое? Что может так повлиять на ребенка, чтобы он вот так себя вел? Может быть, бешенство? Какая идиотская мысль... или все-таки в ней есть рациональное зерно?

Язык мальчика высовывается из-за зубов, как серая жирная улитка из домика. Его рот приближается.

Это не может происходить по-настоящему, это сон, сон, сон...

Томас пытается вывернуться, изогнуться дугой, чтобы сбросить это мерзкое существо.

Мальчишка не может быть настолько сильным. Это невозможно.

Томас чувствует сухие губы на шее сбоку. Ему щекотно. Потом он чувствует зубы, маленькие и острые, и мотает головой, пытаясь увернуться.

Зубы впиваются в кожу. От боли у Томаса темнеет в глазах. И этот звук, ужасный звук... Он чувствует движения маленького языка вокруг раны. Язык почти ласковый. А потом мокрый и скользкий от его крови.

Мадде

Мадде ловит свое отражение в экране телефона, вытягивает руку как можно дальше вперед, одновременно наклоняя голову под нужным углом. Ветер на палубе треплет ей волосы, они с Сандрой смеются и поднимают бокалы, глядя на того, кто будет смотреть фотографию. За ними видны корабельные волны, которые оставляет после себя судно, они напоминают белый веер на темном фоне воды. Мадде фотографирует, потом еще и еще с разных ракурсов, каждый раз принимая новые позы.

Чуть поодаль на задней палубе стоит компания молодых людей, у одного из них на голове фата, это явно мальчишник. Мадде чувствует их взгляды и позирует с двойной энергией, чтобы парням действительно было на что посмотреть.

Пока Мадде изучает результаты съемки, Сандра прикуривает им по сигарете. Мадде удаляет кадры, где вышла неудачно, пока Сандра не уговорила ее выложить эти фотографии, потому что она там выглядит хорошо. Но тут она видит фотографию, с которой остальным просто не сравниться, и это даже не обсуждается. Сандра на ней широко улыбается и смотрит так, будто увидела что-то очень эротичное, а половина боа из лебяжьего пуха развеивается за ней на ветру. Мадде, запрокинув голову, полускрыла глаза и сложила губы для поцелуя.

Она выбирает фильтр, который делает изображение мягким и золотистым. Увеличивает контраст, так что глаза и зубы подруг выделяются ярче. Сандра протягивает Мадде сигарету и одобрительно кивает, когда видит фотографию.

– Смотри, вон те парни глаз не могут от нас оторвать, – говорит она.

Мадде несколько раз глубоко затягивается и слегка пританцовывает под доносящуюся из клуба музыку, пытаюсь загрузить фотографию. Телефон не в зоне действия сети. Вроде на борту должен быть Интернет, но он никогда не работает нормально.

Сандра ухмыляется и, конечно, строит глазки парням.

Но Мадде они неинтересны. На них можно разве что поупражняться. Сегодня вечером она попробует очаровать Дана Аппельгрена.

Дан

Дан сидит в своей каюте на краю неубранной постели и смотрит на колени, там лежит зеркало с четырьмя аккуратными дорожками кокаина. Уже в самом ритуале есть что-то успокаивающее, и у Дана улучшается настроение. Он наклоняет голову, вставляет в ноздрю кусочек соломинки для напитков, встречается взглядом с собственным отражением. Втягивает первую дорожку, меняет ноздрю, вдыхает вторую. Нажимает несколько раз на крылья носа. Чувствует в глотке химический вкус. Откашливается. Глодает. Повторяет процедуру. После этого он собирает скопившуюся на стекле пыль на палец и втирает в десну. Потом собирает мокрым пальцем остатки порошка в углу пакетика.

Десна начинает терять чувствительность. Значит, хороший продукт. Дан кладет еще один такой пакетик в карман вместе с пачкой транквилизаторов и вешает зеркало на место. Внимательно изучает свое отражение. Откидывает голову назад и проверяет, не видно ли в носу предательских белых крупиц.

Дан поворачивает голову вправо и влево. Его волосы тщательно выкрашены. Никакой седины на висках. Он задирает рубашку. Хлопает себя ладонью по животу. Ничего не висит. Большинство молодых людей около двадцати могут только мечтать о такой внешности.

Подошвы его лакированных ботинок громко стучат по полу, когда он несколько раз прыгает на месте. Дан несколько раз боксирует в воздух в сторону своего отражения. Потом надевает на руки серебряные кольца. Теперь он готов.

Томас

Ему наконец удается сбросить с себя мальчика и сесть. Они встают на ноги одновременно. Шея пульсирует. В ушах эхом отдается звук впивающихся в кожу зубов.

Он смотрит на жуткое лицо ребенка. На подбородке осталась кровь. Обвисшая кожа на теле, впалая грудная клетка...

Каждая клетка тела Томаса кричит, что ему нужно уходить. Но мальчик снова встает между ним и дверью.

Томас достает из кармана бутылку из-под пива, краем глаза ловит в зеркале свое отражение. Он судорожно сжимает рукой горлышко, боясь, что бутылка выскользнет из влажной ладони, и бьет бутылкой по краю стола. Ничего не происходит. Он снова бьет, уже сильнее, и стекло поддается.

Острые края горлышка поблескивают в полумраке комнаты.

Томас машет этим оружием перед собой. Кусок стекла отваливается и падает на ковровое покрытие. Он приближается к мальчику. Ему нужно уйти. Только это сейчас имеет значение.

– Я не сделаю тебе ничего плохого, – говорит Томас.

Сердце стучит в груди все быстрее, рана на шее пульсирует в том же ритме. Мальчик не отвечает. Томас даже не слышит его дыхания.

Мысли роятся в голове. Пео и остальные, должно быть, сейчас в «Клубе „Харизма“». Они понятия не имеют, где Томас, и могут подумать, что он валяется пьяный. Или что он нашел с кем переспать. Они только завтра утром сообразят, что дело серьезное.

Томас делает еще один шаг вперед. Между ним и мальчишкой теперь всего метр.

– Пожалуйста, – просит он. – Я ничего не скажу твоей маме и вообще никому не скажу. Только позволь мне уйти.

Рот мальчика открывается и закрывается. Раздается этот ужасный щелчок.

– Но если ты не будешь осторожен, то я...

Мальчишка бросается на него с распростертыми объятиями. Зубы щелкают в воздухе. Томас выставляет вперед острое горлышко бутылки. С ужасом видит, как стекло погружается в плечо у самой ключицы ребенка. Проходит дальше. Это происходит так легко. Слишком легко. Плоть очень мягкая.

Томас отдергивает руку и выпускает свое оружие.

– Прости. – Он чуть не плачет. – Прости, я не хотел...

Мальчик смотрит на него почти с упреком. Он задумчиво трогает неровные края раны. Томас видит, что она глубокая, но крови нет. Только серое мясо внутри. У него несколько болезненных оттенков. Напоминает фарш, который слишком долго пролежал в холодильнике. И запах сейчас еще сильнее. Запах аммиака и гнилых сладких фруктов.

Это невозможно, это должен быть сон, сон, сон... я должен проснуться.

Мальчик снова взбирается на Томаса, как сделал бы испуганный ребенок, в поисках утешения в объятиях взрослого. Его зубы вновь впиваются в шею Томаса. Мерзкое существо прижимает рот к ране и сосет кровь, как будто она пульсирует недостаточно быстро.

Томас спотыкается, делает пару неверных шагов и сползает на пол. Он сидит между кроватью и столом. Пытается оттолкнуть мальчишку ногами, но он в таком сильном шоке, что силы полностью оставили его.

Когда мальчишка насытился кровью, его кожа перестала быть серой и стала выглядеть розовой и здоровой. Томас смотрит на него и не понимает, что происходит. Ребенок снова впивается зубами в его шею. Заваливает на спину. Стекло на полу впивается Томасу в спину через пиджак и рубашку. Из раны на груди мальчика начинает сочиться кровь. Собственная кровь Томаса!

Темнота в глазах превращается в плотное облако. Томас понимает, что если он сейчас потеряет сознание, то уже не выживет.

И какая-то часть Томаса даже этого хочет. Ему кажется привлекательной мысль просто позволить темноте, пляшущей перед глазами, окутать себя полностью. Погрузиться в неизвестное. Забыть о боли. Это было бы не сложнее, чем уснуть дома на диване перед телевизором.

Но он не хочет умирать.

Мальчишка теперь сосет не так жадно.словно сытый младенец у груди матери.

Этого не должно было произойти.

Это не может закончиться вот так.

Томас должен попробовать.

Он поднимает правую руку, делает несколько торопливых вдохов и бьет мальчишку наотмашь, его голова ударяется о край кровати.

Ребенок рычит как животное. Идет кровь.

«Моя кровь...» – думает Томас.

Кровь везде: на зубах, на губах, на подбородке ребенка, она течет из раны под ключицей. Плоть вокруг раны у мальчишки теперь нормального розового цвета. Лицо тоже как у обычного ребенка.

Снова раздается звук лязгающих в воздухе зубов, и Томас снова бьет голову паршивца о край кровати.

Глаза мальчика закатываются глубоко наверх. Обмякшее маленькое тельце безжизненно валится на Томаса.

Томас кричит, его крик отдается эхом от стен каюты.

Тельце такое маленькое. Такое легкое.

Томаса несколько раз стошнило, пока он пытался подняться с пола. Стены каюты качаются в глазах, как будто судно попало в сильный шторм, а может быть, это действительно так. Томас уже вообще не понимает, что происходит и как с этим быть. Комната вокруг него пляшет все быстрее, унося его в темноту.

Альбин

Бутылки на полках магазина беспощадной торговли слегка позвякивают, когда Альбин проходит к кассе. Здесь все утопает в ярком свете. Сверкают флаконы духов, бутылки с алкоголем, целлофановые обертки блоков сигарет и огромных шоколадок «Тоблерон». В корзине у Альбина лежит банка лакричных конфет и человечек, наполненный драже «Эмендемс». Мама с папой дали ему двести крон, чтобы он мог что-нибудь купить на пароме, но когда вокруг такой большой выбор, глаза просто разбегаются.

Альбин встает в очередь; на него из парфюмерного отдела пристально смотрит женщина с красными губами и прямыми волосами, выкрашенными в розовый цвет. Он начинает нервничать, размышляя, видела ли продавщица, что они вместе с Лу, он ведь помнит, что девчонка здесь кое-что стащила.

Но ничего особенного не происходит. Когда Альбин выходит из магазина, Лу уже ждет его у выхода и нетерпеливо жует резинку.

– Быстро ты обернулся.

Она разворачивается и идет, не дождавшись, пока мальчик с ней поравняется.

Альбин следует за сестрой. Смотрит на скучающего администратора за стойкой информации. Они идут по лестнице и снова выходят к ресторану «Буфет „Харизма“». Идут в кормовую часть судна мимо ресторана, кафе и бара под названием «МакХаризма», где пьет пиво компания молодых людей в куртках. Проходят мимо игровых автоматов, где видят, как несколько маленьких детишек нажимают на кнопки, не понимая, как работает автомат. За окнами теперь абсолютно темно, и Альбин видит в них только отражение Лу.

– Аббе, иди сюда, – зовет Лу.

Она останавливается у маленького стенда с глянцевыми фотографиями. Подойдя ближе, Альбин узнает фотографа, эта женщина снимала их, когда они проходили на борт.

– Это просто образцы, – говорит она на ярко выраженном вэрmlandском диалекте, когда их взгляды встречаются. – Сегодняшние фотографии можно посмотреть здесь, сорок девять крон за штуку, готовность через час.

Женщина протягивает планшет. Лу выхватывает его и начинает быстро листать фотографии, интенсивно жуя резинку. Иногда она на секунду задерживается и комментирует некоторые детали:

– Да, красиво, когда волосы густые... Как же мне нравятся джинсы, натянутые до подмышек... О, мой любимый цвет в одежде... А его родители, должно быть, брат с сестрой...

У Альбина голова идет кругом от множества незнакомых лиц на экране.

Он ищет что-то интересное, чтобы тоже прокомментировать, но Лу его все время опережает.

– Смотри, вот мы.

Снимок внезапно выныривает из множества других, и в первую секунду мальчику кажется, что это тоже незнакомцы. Все такие светловолосые. Кроме него! Он только что увидел камеру и пытается улыбнуться, но улыбка не получается и напоминает странную гримасу. Его белые кроссовки грязные. Джинсы вытянуты на коленках. Он представляет, что Лу сказала бы, если бы он был посторонним.

– А я сама выгляжу как умственно отсталый лунатик, – смеется Лу.

Она моргнула в момент съемки и получилась с закрытыми глазами, но все равно она очень красивая. Линда положила ей руку на плечо и успела улыбнуться. Папа не совсем четко получился, но тоже улыбается. Можно подумать, что это они с Линдой муж и жена. Мама сидит в коляске и неуверенно смотрит в камеру. Альбин знает, что она терпеть не может фотографироваться. Мама всегда выглядит странно и неестественно, как только кто-нибудь достает теле-

фон. Всегда просит не снимать ее или отворачивается в нужный момент. Альбину ни разу не удалось сделать хорошую фотографию мамы. Ему хотелось бы, чтобы она получилась хорошо на этой фотографии, тогда он бы купил ее и показал ей.

Мальчик снова смотрит на папу на фотографии. Думает, как этот папа с самоуверенной улыбкой может быть одним и тем же человеком, что и папа сегодня ночью.

Мне, наверное, следовало бы поступить, как мама. Тогда бы все, несомненно, обрадовались.

– Какая чудесная семья, – говорит фотограф.

– Да, со стороны так может показаться, – отвечает Лу, уводя Альбина от стойки.

Они проходят мимо темного зала с надписью «Казино». У игорного стола стоит девушка в атласном жилете зеленого цвета. Несколько человек, скрючившись, сидят на высоких стульях перед мигающими игровыми автоматами, дергают рычаги и нажимают на кнопки. Они с Лу идут до конца галереи. В клубе громко звучит танцевальная музыка. Хвост на голове Лу качается в разные стороны при каждом шаге и щекочет ей лопатки. Альбину хочется его потрогать, почувствовать волосы между пальцев.

Они заходят в бар с большим танцполом. Над барной стойкой витиеватыми буквами написано: «Харизма Старлайт». На потолке множество белых лампочек расположены в форме созвездий. На танцполе всеми цветами радуги мигает светомузыка, рисуя замысловатые узоры на паркете и красном занавесе сцены. Пожилая пара на танцполе делает мелкие шажки то в одну, то в другую сторону совершенно не в такт музыке, словно они пребывают в своем собственном мире. Мужчина и женщина выглядят влюбленными. Перед ними прыгает босоногая девица с экзальтированной улыбкой и время от времени хлопает в ладоши.

– Вот и я всегда хочу быть такой же веселой и жизнерадостной, – комментирует Лу с серьезным видом. – Человеку всегда весело ровно настолько, насколько он сам себя может развлечь.

Они проходят между столиками и барной стойкой. Лу протягивает руку к оставленной кем-то полупустой бутылке пива. Светловолосый бармен с осуждением качает головой. Он не сердится, а ухмыляется, но Альбину хочется поскорее уйти.

– Какая жалость, что он решил брать пример со светофора. – Лу кивает в сторону лысого мужчины в паре метров от них.

На нем красная рубашка, заправленная в зеленые джинсы. Живот торчит над ремнем и смотрит вверх вопреки законам гравитации. Он действительно похож на светофор. Альбин смеется.

Босоногая девица описывает круги вокруг пожилой пары. Танцующие останавливаются и смотрят на нее с недоумением. На краю танцпола появляются накачанные парни в облегающих футболках. Один из них косится в сторону Лу и Альбина, потягивая пиво из горлышка бутылки. «Интересно, – думает Альбин, – со стороны кажется, что мы пара?»

Он становится чуть ближе к Лу:

– У тебя правда есть подруга, у которой мама работает на пароме?

– Да, – отвечает Лу, – и она рассказывала ужасные вещи. У уборщиков самая отвратительная работа в мире. Подумай сам. Но они получают бонус в пятьсот крон каждый раз, когда им приходится отмывать блевотину. А блюют здесь очень многие. Особенно в каютах. Получается, что на блюющих можно разбогатеть.

Альбин смотрит вокруг. Все выглядит очень чистым. Танцпол окружает бортик из дымчатого стекла с латунным поручнем. Столы и барная стойка натерты до блеска. Пятен на темно-красном ковровом покрытии тоже не заметно, но в баре довольно темно.

– Лучше всего, когда блюют в унитазах. Тогда блевотину можно просто смыть. Пятьсот крон только за это.

Лу постукивает пальцами по столу. Альбин пытается представить себе работу, на которой каждый день приходится иметь дело с рвотными массами.

– Кроме этого происходит еще много чего мерзкого. – Лу понижает голос. – Многих девушек насилуют в каютах. Но полиция ничего не может поделать: невозможно собрать улики, потому что в этих комнатах скопилось огромное количество разной ДНК.

Она выжидающе смотрит на Альбина, как будто только что дала ему ключ к разгадке тайны. Но он, похоже, этого не понял.

– Ты что, не понимаешь? Везде-везде следы спермы – на стенах, на полу, – потому что все постоянно трахаются. Это так омерзительно.

Лу отряхивает пальцы, словно они испачканы чем-то липким. В глазах читается отвращение.

Альбин не знает, что на это ответить. Он снова смотрит на танцпол. Парень по-прежнему пялится на Лу, но она, кажется, этого не замечает. Лу кладет хвост на одно плечо, расчесывает его пальцами.

– Твои родители еще занимаются сексом? – спрашивает она. – Твоя мама вообще в состоянии?

– Прекрати.

Альбин не хочет об этом думать. Мамины ребра кажутся такими тонкими, он их чувствует, когда ее обнимает. Папа может их легко раздавить, даже если будет осторожен.

– А тетя Линда что? – спрашивает он.

На самом деле он совсем не хочет это знать, но что угодно будет лучше, чем обсуждать маму и папу.

– Я однажды слышала... С ее последним парнем... Хотя в основном я слышала его...

Лу сует пальцы в рот и изображает тошноту. По крайней мере, Альбин почти уверен, что изображает.

– Я думаю, что с ней страшно скучно в постели. Она, в принципе, самый скучный человек на планете. Думаю, она даже не знает, что такое отсосать.

Лу закатывает глаза. Альбин не знает, что сказать на это. Слово «отсосать» осталось висеть в воздухе. Если бы Лу только знала, как много он думает о сексе в последнее время. Если бы знала, что он смотрит время от времени в Интернете. И что при этом чувствует. Страх, возбуждение и отвращение одновременно.

Секс – это как параллельный мир, где обычные люди вдруг оказываются кем-то совсем другим. Почти чудовищами из кошмарных снов. Они могут выглядеть как обычные люди, разговаривать как любой из нас, но стоит только заглянуть за занавеску, как открывается их истинная сущность.

Неужели Лу теперь одна из них? Она делала это с кем-то?

– Пойдем. – Альбин пытается улыбнуться.

– Да, пойдем. Но у тебя что-то застряло между зубов, и я больше не могу это видеть.

Альбин остается стоять, когда Лу направляется к выходу. Проводит ногтем указательного пальца между передними зубами и достает маленькую зеленую крошку. Отправляет ее обратно в рот и чувствует ее сильный и пряный вкус.

Он вытирает палец о джинсы и бежит догонять Лу.

Мадде

Мадде закидывает одну руку за затылок и прыгает на одном месте, едва замечая, как сильно болят ноги в туфлях на высоких каблуках. Пот струится по лицу и затекает между грудей, которые вот-вот выскочат из декольте. Множество маленьких блесток на коже сверкают в свете софитов «Клуба „Харизма“». Кулак женщины ритмично двигается в такт музыке, пока не появляется ощущение, что именно она ее играет. В другой руке она держит бокал с коктейлем, который проливается через край, делая ее кожу сладкой и липкой.

Народу пока еще немного, но все присутствующие внимательно наблюдают за ней и Сандрой. Мадде это нравится. Эти взгляды заряжают ее энергией. Пока люди глазают, она не устанет. Она даст им пищу для разговоров. Сандра чувствует то же самое, Мадде точно знает, видит это по глазам подруги. Сандра подходит и, как стриптизерша, позволяет боа соскользнуть с плеч. Она кидает боа на шею Мадде и подтягивает к себе, как будто поймала ее. Перья на шее Мадде теплые и мокрые. Она смеется и делает большой глоток из бокала. Боа в руках Сандрой натягивается, и она, крутя бедрами, садится на корточки, мини-юбка задирается, кружевные белые трусы светятся в неоновом свете ламп.

Сандра машет руками, как крыльями, не выпуская боа. Голова Мадде наклоняется вперед, она теряет равновесие и роняет бокал, но не падает. Сандра наконец выпускает из рук боа, ложится на пол, сучит ногами и машет руками, как крыльями. Ее смех заглушает музыку. И Мадде тоже разбирает смех до икоты, смех высасывает из нее всю энергию, так что она уже не может стоять на ногах. Она наклоняется вперед и судорожно ловит ртом воздух, в ушах стоит скрипучий лающий смех Сандрой. Из рта Мадде падает капля слюны, и, видя это, она смеется еще громче.

Филип

В баре «Старлайт» по-прежнему царит полумрак, и поэтому легко потерять счет времени. Но Филипу не нужно смотреть на часы, он знает, что еще нет девяти. Первая волна посетителей после смены в ресторане сейчас допивает второй напиток. Филип и Марисоль смешивают джин и тоник, наливают пиво, вино и егермейстер, открывают бутылки сидра, коктейлей и мускатного вина по специальной цене. Они посматривают на двоих мужчин за барной стойкой, которые уже чересчур громко разговаривают.

– Нет, черт возьми, это нельзя назвать поездкой за границу. Мы будем стоять в Финляндии всего час, – говорит один.

– Да, а разве Финляндия находится не за границей? Или, может быть, она принадлежит Швеции? – упрямо возражает его собеседник тоном, который любого бы вывел из себя.

– Вряд ли.

Филип окидывает помещение взглядом, наливая пару бокалов пива. Босоногая девица на танцполе все еще не устала. К ней присоединились еще две пары. Худая женщина, стоящая рядом с танцполом, почему-то портит ему настроение, хоть он и видит только ее силуэт. Она стоит неподвижно. Слишком неподвижно. Она как будто ненастоящая, просто фотомонтаж плохого качества. Иногда на ее лицо падает свет прожектора, и Филип видит, что она чересчур худа, вся в морщинах и слишком сильно накрашена.

– Если это не за граница, то почему продают алкоголь без пошлин? – приводит один из спорщиков аргумент.

– Это не доказательство. Мы все равно не выйдем на землю ни на минуту.

– Нет, но все же... Мы не в Швеции, значит, мы за границей.

Филип изучает обстановку дальше. Кресла и диваны между баром и танцполом постепенно заполняются. За одним столиком расположилась семья. Младшие дети лазают по спинке дивана, прыгают на кресле. Но старшая девочка, лет семи, в очках с толстыми линзами пристально смотрит на родителей, которые молча пьют пиво. Они, похоже, уже довольно пьяны. В их глазах читается намерение напиться, и в последнее время Филип замечает его в пассажирах все чаще. Это желание нарастает как спираль. Люди, заинтересованные в более спокойном семейном путешествии, могут лишь немного почитать отзывы в Интернете, чтобы понять, что какой-нибудь другой паром подойдет им лучше. Филип читал море комментариев. Все паромы предлагают тематические круизы и приглашают знаменитых диджеев и артистов для выступлений. «Харизма» же держится в стороне. Она привлекает дешевым алкоголем – и больше ничем. Иногда Филипа это даже огорчает. Ему грустно видеть еле-еле державшихся на ногах родителей с детьми. Он хорошо помнит из собственного детства вечное звяканье бутылок в пакетах из супермаркета. Филип часто это вспоминает и думает, какая ирония судьбы в том, что он теперь работает с алкоголем дни и ночи напролет.

Филип отдает клиенту сдачу и пиво, принимает следующий заказ. А потом еще один. И еще. Он превращается в робота. Просто исполняет заказы. Иногда отпускает шутку, улыбается, подмигивает, если видит, что это увеличит чаевые. Но он не думает. В голове пустота.

Марисоль пыталась научить его медитировать. Но для Филипа нет большего стресса, чем сидеть неподвижно и совершенно без дела. Но то, что Марисоль описывает, когда пытается его уговорить – мысли успокаиваются, приходит осознание настоящего, – напоминает Филипу то, что он сам испытывает в подобном состоянии. Его медитация – это работа.

Одна девушка заказывает четыре коктейля «Космополитен». Филип кивает и пытается запечатлеть в памяти эти густо накрашенные брови.

Всегда есть какая-то деталь, которая позволяет ему запомнить клиента и его заказ.

Филип кладет лед в бокалы для мартини, чтобы их охладить. Водка, «Куантро», клюквенный сок смешиваются в стальном шейкере. В поле зрения Филипа попадает Пенни, которая расположилась во владении Марисоль. Она уже в красном концертном платье, перед ней водка с содовой, каждый вечер она пьет одно и то же. На краю стакана след от красной помады. Йенни с ее белокурыми блестящими локонами выглядит как звезда из далекого прошлого. Скоро она выйдет на сцену. Ее репертуар Филип слушает уже примерно год. И все же он будет скучать по ее хриплому, прокуренному голосу, который каким-то волшебным образом заставлял его поверить в глупые тексты песен группы. Послезавтра ее последний день работы здесь. Признаться честно, скучать он будет не только по ее голосу.

Филип ставит напитки перед девушкой с густо накрашенными бровями, берет ее кредитку, проводит через терминал.

– Все в порядке? – кричит он Йенни.

Девушка улыбается в ответ:

– Да, если не считать, что у нас опять нет ведущего.

Филип пытается подбодрить Йенни улыбкой. Потому что знает, что она терпеть не может брать на себя функции ведущего, поздравлять именинников и объявлять песни в честь дня рождения. Ей очень некомфортно общаться с публикой таким образом.

Вдруг кто-то вскрикнул – мужчины у бара затеяли драку. Марисоль уже сняла трубку телефона, чтобы вызвать охрану.

Филип обходит стойку бара, становится между противниками, берет каждого за грудки и разводит в стороны. К счастью, мужчины настолько пьяны, что почти не сопротивляются. Кажется, они полностью сосредоточены на том, чтобы удержаться на ногах.

Пия и Ярно уже на месте, не прошло и тридцати секунд.

– Ну что, мальчики, – обращается Пия к хулиганам, и Филип возвращается за стойку, освобождая ей место. – Как же так получается?

– Я хочу написать заявление на эту свинью за нанесение телесных повреждений, – кричит мужчина с резким голосом, он брызжет слюной изо рта, как из пульверизатора.

– Я тоже напишу заявление! – ревет второй участник драки. – Это ты первый начал, здесь все свидетели это подтвердят.

– Думаю, будет лучше, если вы оба сейчас немного отдохнете у нас, – говорит Пия. – А когда протрезвеете, мы поговорим.

Удивительно, но ни один из них не протестует. Они только злобно глядят друг на друга.

– Как дела у Калле? – спрашивает Филип, когда на нарушителей порядка надели наручники.

– Все готово. Он сделал предложение. Готова поспорить, что парень ничего не понял. Он свято поверил в спектакль.

Филип смеется:

– Надеюсь, они сюда тоже заглянут. Я хочу посмотреть на это чудо.

– Не думаю, что они сегодня выйдут из каюты, – улыбается Пия. Наручники звякают. – Думаю, что завтра утром мы сможем вместе с ними прогуляться на палубе. До того, как начнется твоя смена.

– Отличная идея, – улыбается Филип.

Посетители бара бросают на него нетерпеливые взгляды. Пора приступить к своим обязанностям.

– Ты не видел здесь ничего подозрительного? – спрашивает Пия.

Филип уже почти забыл тощую женщину у танцпола, но все же невольно бросает туда взгляд. Она исчезла. Станным образом это еще больше портит ему настроение.

Он отрицательно качает головой, пытаясь стряхнуть неприятное чувство.

– Ничего опаснее двух подростков, которые пытались выпить остатки пива. Мальчик и девочка. Мальчику лет двенадцать, азиатского происхождения, похоже, из Таиланда. Девочка – блондинка, ей может быть от двенадцати до семнадцати.

– Хорошо. Увидимся позже.

Пия и Ярно берут по нарушителю порядка под руку и ведут их к выходу.

Филип снова идет за барную стойку и уже не в первый раз думает, как же им повезло, что на «Харизме» среди охранников есть Пия. Он знает, что на других паромах охранники выполняют только самое необходимое, а на остальное закрывают глаза – оставляют лежать бесчувственных пьяных в коридорах, отворачиваются, когда подвыпившие родители танцуют после полуночи с трехлетними детьми. То, что беспорядков на «Харизме» не так уж и много, во многом ее заслуга. Филип знает, что если бы за этот вопрос отвечала паромная компания, то в барах разрешали бы продавать еще больше алкоголя. Смотрели бы сквозь пальцы на то, что клиенты уже слишком пьяны, чтобы заказывать выпивку еще. На паромах не обязаны соблюдать те же правила, что в барах на суше, а «Харизма» должна зарабатывать как можно больше, чтобы обеспечить себе будущее. Но Пия такого не позволяет. Она положительно влияет на других охранников, а те, в свою очередь, заставляют работников баров думать перед продажей алкоголя.

Филип принимает следующий заказ. Пять стаканов пива. Молодой человек со светлыми dreadlocks. На воротнике эмблема Экологической партии Швеции.

– Как дела? Все получилось у твоего друга? – кричит Марисоль, и Филип довольно кивает и показывает большой палец.

Следующий заказ – два бокала красного и арахис. Пожилая пара. У мужчины россыпь пигментных пятен у линии волос. А потом просят крепкое пиво. Два парня в полосатых футболках.

Калле

Они идут по коридору девятой палубы в каюту люкс, и Калле чувствует радость каждой клеточкой тела. Его душа, кажется, стала огромной, как Вселенная. Счастье Калле просто захлестывает, когда он видит, насколько Винсент потрясен.

– Не забывай дышать, – смеется Калле.

– Мне надо выпить. – Голос Винсента звучит глухо. – Пойдем в тот бар, где работает твой друг.

– Сначала я хочу побыть с тобой наедине.

Калле удерживается от того, чтобы рассказать, что на очереди еще один сюрприз. Они подходят к двери в конце коридора. Калле вставляет в замок карточку, чмокает Винсента в щеку и открывает дверь.

Винсент встает на пороге как вкопанный. Смотрит на розовые лепестки на полу. Калле зажигает свет, и глаза Винсента становятся еще больше.

– Как? Как ты это сделал? Мы ведь были здесь совсем недавно?

Калле берет друга за руку. Смотрит на новенькое кольцо из матового белого золота на пальце Винсента. Такое же точно, даже того же размера, красуется на его руке.

Они проходят в гостиную на первом этаже номера. Наступают на лепестки роз. На тумбочке у кровати стоит блюдо с розовыми желейными конфетами в форме сердца. С перил лестницы, ведущей в спальню, свисают спирали розового серпантина. Небольшой дождик мягко стучит в окно. Проходя мимо окна, Калле бросает взгляд на палубу. Белые перила ярко сверкают в свете прожекторов на фоне темной воды. Как стрела, указывающая в море. На палубе довольно много прогуливающихся, несмотря на морозящий дождь.

Они поднимаются в спальню. На одной из тумбочек стоит ведро со льдом и бутылкой шампанского. Пия и Филип рассыпали лепестки роз и на кровать. Над изголовьем висит плакат, на котором жирными краснобордовыми буквами написано: «Поздравляем!»

– Черт, они совсем с ума сошли, – смеется Калле. – Не хватает только розовых плюшевых мишек.

Но Калле очень тронут. Он садится на кровать, берет в руки один из лепестков. Такой мягкий и нежный.

– Иди ко мне.

Но Винсент все еще стоит на последней ступеньке. Смотрит на плакат, как будто не может прочитать, что там написано.

– Ты, должно быть, это долго готовил.

– А ты ничего не замечал?

Винсент качает головой.

– Неужели правда? Я страшно нервничал... – начинает Калле, но запинаясь, встретив взгляд Винсента.

Что-то не так. Винсент не просто потрясен. Он выглядит грустным.

– Ты в порядке? – спрашивает Калле.

– Мне нужно ненадолго в туалет. – Винсент снова идет вниз.

За дверью слышен шум воды в раме. Калле хлопает себя по коленям, выстукивая нервный ритм. Ему только кажется, нужно прекратить выдумывать всякие глупости.

Винсент сказал «да». Они поженятся. Он и Винсент *поженятся!* Понятно, что еще многое придется уладить.

Сам он думал об этом много месяцев, долго готовил эту поездку.

Калле смотрит на кольцо. Крутит его на пальце, поднимается с кровати. Пиджак ему кажется тесным. Он его снимает. Одергивает футболку, почему-то вырез давит на горло.

Потом подходит к лестнице. Смотрит вниз. Дверь в туалет отсюда не видно, однако он слышит шум бегущей воды.

Калле достает из ведра бутылку шампанского. Лед сильно гремит. Со дна бутылки капает. Он снимает с горлышка фольгу и крутит пробку, бутылка открывается с легким хлопком. Надо, наверное, дождаться Винсента. Но уже поздно. Калле наливает шампанское в бокалы. Ждет, пока осядет пена, подливает еще. Смотрит вниз. Сомневается еще секунду, но все же делает пару хороших глотков. Снова наполняет свой бокал. Жаль, что нет настоящих свечей, но свечи запрещены на всем пароме по соображениям пожарной безопасности.

Дверь туалета наконец открывается. Калле берет по бокалу в каждую руку и садится на кровать. Ждет. Слышит шаги. Появляется голова Винсента, но он сам остается стоять на лестнице.

– Я не могу. Мне страшно жаль, но я не могу.

– Что ты хочешь сказать?

Хотя Калле знает. Он сразу понял.

– Мы не можем пожениться, – говорит Винсент.

Внутри Калле все вдруг опускается с такой силой, что еехватило бы на то, чтобы утопить всю «Харизму».

– Но ты же сказал... ты же сказал «да»... – Больше ничего произнести Калле не в состоянии.

– А что я должен был сказать при всех? Как я должен был поступить?

В голосе Винсента слышится почти обвинение. Калле встает с кровати. Несколько лепестков падают на пол.

– Я просто не понимаю.

– Прости. Я не хотел. Я просто не знал, как мне поступить. Как было бы лучше...

В глазах Винсента глубокая грусть, каку побитой собаки. Словно Калле сделал с ним что-то ужасное. Калле совершенно не понимает, что теперь делать. Он протягивает бокал шампанского, но Винсент только качает головой.

Буквы на плакате издевательски блестят. Калле выпивает залпом один бокал. Пузырьки лопаются во рту. Ему приходится отвернуться, чтобы проглотить шампанское. Он убирает бокал.

– Но почему? – Калле не смотрит на Винсента. – Мы обсуждали, что однажды поженемся.

– Я знаю. Но это было давно и...

– Давно? Мы говорили об этом в июне... что мы поженемся, когда все утрясется с переездом.

– Я знаю.

– Так что, черт возьми, случилось с тех пор?

– Я не знаю. Я сам хотел бы знать на это ответ.

Калле оборачивается. Винсент выглядит несчастнее некуда.

– Я не знаю, почему я не хочу. Меня не покидает чувство, что это неправильно.

– Ты встретил другого?

Винсент решительно мотает головой.

– Так в чем же дело?

Тишина.

– Ты не хочешь быть со мной?

Винсент сомневается на полсекунды дольше, чем нужно.

– Хочу, конечно же.

Но он уже отвернулся.

Калле хотел бы Винсента возненавидеть. Возненавидеть за то, что он делает сейчас. За то, что он все испортил.

– И долго ты уже так думаешь?

– Как так? Я сам не понимаю, что я думаю и чувствую.

– Сомневаешься. Думаю, это так называется. – Голос звучит холодно. – Значит, уже когда мы покупали квартиру, когда брали эти сумасшедшие кредиты...

– Прости. Прости. Я думал, что это пройдет. Я думал, что это такое чувство, которое приходит и уходит.

– Приходит и уходит?

– Да! Так бывает. У тебя никогда не было сомнений?

– Нет. Никогда.

Они смотрят друг другу в глаза. Расстояние между ними больше, чем Балтийское море.

«Наверное, наши отношения как это море за окном, – думает Калле. – Красивое и блестящее внешне, но полное мертвых участков, где не может существовать ничто живое. И я был настолько слеп, что не видел этого».

Калле вспоминает их новую квартиру. Там только что отшлифовали пол. Картины наконец-то висят на местах. Пришлось взять лишних двести тысяч в кредит только на ремонт кухни. Переезд в Стокгольм стал очень серьезным испытанием. Нервное напряжение перед покупкой квартиры, дизайн и внутренняя отделка, безумные суммы, крутящиеся в голове, когда они продавали души банку.

Винсент сомневался уже тогда?

– Я знаю, что последнее время было чертовски тяжелым для нас обоих. Может быть, не только последнее. Но все позади. Может быть, ты просто волнуешься оттого, что это серьезно?

Калле замолкает. Он не будет больше унижаться, уговаривая Винсента, хотя ничего другого он делать не хочет. «*Ведь это же мы. Это Винсент и я. Я, наверное, что-то неправильно понял*».

– Я не знаю, что произошло, – вздыхает Винсент. – Но я не могу жениться, пока не разберусь в себе.

– И как ты собираешься это делать? Попробовать секс там и сям и посмотреть, не найдешь ли кого-то лучше?

Калле уже сам не знает, что говорит. Мысли и чувства бегут бесконтрольно.

– Прекрати. Это не то, что ты думаешь.

– А что это? Что нам, черт возьми, теперь делать?

Винсент не отвечает.

– Я не могу быть с тобой, когда ты не знаешь, что ты чувствуешь, – говорит Калле. – Ты это понимаешь? Так не бывает. Я не могу все время бегать вокруг тебя типа: *посмотри, как чудесно быть со мной*.

– Я понимаю, что не могу от тебя этого требовать, – соглашается с ним Винсент.

– Значит, все кончено. Видимо, так.

Вдруг в душе Калле образовывается зловещая пустота. Чувства перестают раздирать его. Они исчезают. Совсем! И мысли больше не роятся в голове. Они приобретают ясные и острые очертания, как луч лазера. А потом превращаются в список дел на ближайшее будущее.

Им снова придется переезжать. Ни один из них не сможет себе позволить жить в этой квартире в одиночестве. Нужно пригласить агента, заказать оценку. Встретиться с менеджером банка – женщиной с густыми волосами и веселой улыбкой, которая так радовалась за них. Калле придется искать новую квартиру, а пока нужно уложить свои вещи в коробки, которые еще лежат в кладовке на чердаке.

Но первым делом он должен обратиться с этого проклятого паромы. Нужно пережить эту ночь и завтрашний день и подумать, куда он поедет, когда окажется на берегу.

Калле замечает, что Винсент плачет у лестницы. Его первый порыв – утешить близкого человека.

– Я должен уйти отсюда, – говорит Калле.

– Мы можем где-нибудь поговорить, – предлагает Винсент.

– Нет. Я не хочу разговаривать. Оставайся здесь. Или делай что хочешь. Но я не могу сейчас находиться рядом с тобой.

Калле протискивается мимо Винсента и идет вниз по лестнице. Старается не смотреть на плакат на стене, на лепестки роз на полу. Серпантин на перилах слегка шуршит, когда он проходит мимо. Наконец Калле у двери, выходит в коридор и закрывает дверь за собой. Дышит тяжело и часто.

К счастью, рядом никого нет. Калле подавляет плач, ему нужно сохранить ясность мысли.

Он слышит, как Винсент шевелится за дверью, и бежит прочь по коридору к выходу на лестницу.

Томас

Он смотрит в потолок неподвижным взглядом. Недоуменно оглядывается вокруг, пока не вспоминает, где он. Чувствует спертый воздух в закрытом помещении. Видит окровавленное – «*Это моя кровь?*» — маленькое тельце рядом с собой. Пытается понять, что произошло.

Чтобы подняться, Томасу приходится держаться за кровать. Адреналин, который, как бензин, придавал энергию телу, испарился, и теперь его просто трясет.

Это слишком просто, думает Томас. Мальчик был очень сильным. Он просто хорошо играет свою роль. Сейчас он откроет глаза, его рука снова вцепится в Томаса, и он набросится на него молниеносно, как кобра. Глаза мальчишки откроются, и все повторится сначала.

Кожа ребенка теперь более упругая. Мальчик выглядит бледным, но как будто живым, его плоть наполнилась кровью, щеки даже порозовели.

Вдруг в голове Томаса меняется угол зрения. Он видит сцену со стороны, и видит все так, как увидел бы посторонний. И начинает плакать.

Как ему объяснить, что мальчишка напугал его, напугал до смерти, напугал так сильно, что он едва понимал, что делает, когда убивал его...

«Я убил его, о, Господи!»

Рана на шее больно пульсирует. Томас смотрит в зеркало над письменным столиком. Замечает безумный взгляд, горящие глаза сумасшедшего. Раны на шее уже не кровоточат, остались только отпечатки острых зубов мальчика.

Самооборона. Все подумают, что ребенок кусал его, чтобы защититься.

Но кровь? В жилах мальчика течет его кровь, у него не было своей собственной. Это можно будет доказать с помощью анализов...

Томас пытается представить, как он будет объяснять это охранникам на борту. Он и сам себе почти не верит.

Он бежит в туалет и наклоняется, его тут же рвет в раковину смесью пива, крепкого алкоголя и желудочного сока. Слюна продолжает течь. Наконец в голове проясняется, и Томас осознает, насколько безумна вся ситуация.

«...настолько безумна, что просто не может быть правдой, настолько безумна, что, видимо, это я все выдумал, потому что я и ЕСТЬ безумец, у меня появились видения, я был пьян, меня переполнял страх, и психика просто не выдержала и сломалась, как старый гнилой сук, и теперь я убил невинного РЕБЕНКА, и мне некуда деваться с корабля...»

Мальчик явно был болен, но наверняка существовали другие способы ему помочь, вместо того чтобы убивать.

Томас плюет, но слюна такая липкая, что приходится убирать ее пальцами. Он смотрит, как плевок медленно уходит в канализационную трубу. И в то же время Томас знает, что он не сумасшедший. Он помнит все, что произошло.

«Но разве сумасшедшие не уверены, что они нормальные?»

Он заставляет себя выглянуть из туалета.

Тело на полу абсолютно неподвижно. Светлые волосы блестят.

«Никто не видел, как я входил в эту каюту. Я могу просто уйти и вести себя как ни в чем не бывало. Хотя нет, здесь везде камеры видеонаблюдения. Они потом просмотрят запись».

Нужно уходить. В голове опять шумит, и Томас опирается на раковину, чтобы не упасть. Он моет руки, но кровь остается под ногтями. Потом моет лицо холодной водой, пытается привести в порядок мысли.

На черном пиджаке и рубашке крови почти не видно. Томас смачивает водой носовой платок и стирает засохшее пятно крови с груди. Эта кровь вытекла из раны мальчика. Раны, которую он нанес горлышком разбитой бутылки.

Томаса снова рвет. Он достает телефон. Сейчас он не в зоне действия сети, но Томас и сам не знает, кому звонить. Времени всего лишь около девяти. Как такое вообще возможно? Как все могло измениться за считанные минуты?

Вдруг Томас вспоминает сапоги на высоких каблуках, которые стоят в каюте. Где-то на корабле находится женщина, и она может появиться здесь с минуты на минуту.

«Я убил ее ребенка».

Томас вытирает кран и раковину бумагой, выходит из туалета. Поднимает осколки бутылки с пола, вытирает их тканью рубашки. Где еще он мог оставить отпечатки пальцев?

Тело ребенка по-прежнему неподвижно.

Томас подходит к двери. Делает глубокий вдох. Открывает. В коридоре никого нет.

Нужно найти кого-то из ребят. Пео, например. Томасу просто необходимо поговорить с кем-то, кому он доверяет, перед тем как идти к охранникам.

Или просто молчать вплоть до Аландских островов – так советует ему внутренний голос. А потом выйти на остановке и бежать. Сесть на другой паром.

Мысль Томасу нравится. Но жизнь – это не американский боевик. И нет поблизости границы с Мексикой, куда можно рвануть. Ему некуда идти. И нигде не ждут его припрятанные наличные.

Рана на шее болит и пульсирует. Спина мокрая от пота. Томасу приходится часто прислоняться к стене и отдыхать. Из одной каюты выходит пара длинноволосых парней. Искоса взглянув на Томаса, они идут своей дорогой. Томас смотрит им вслед. Интересно, он выглядит как пьяный или больной? Или сразу видно, что произошло, и парни уже идут к охране, чтобы дать наводку? Может быть, они что-то слышали через стену?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.